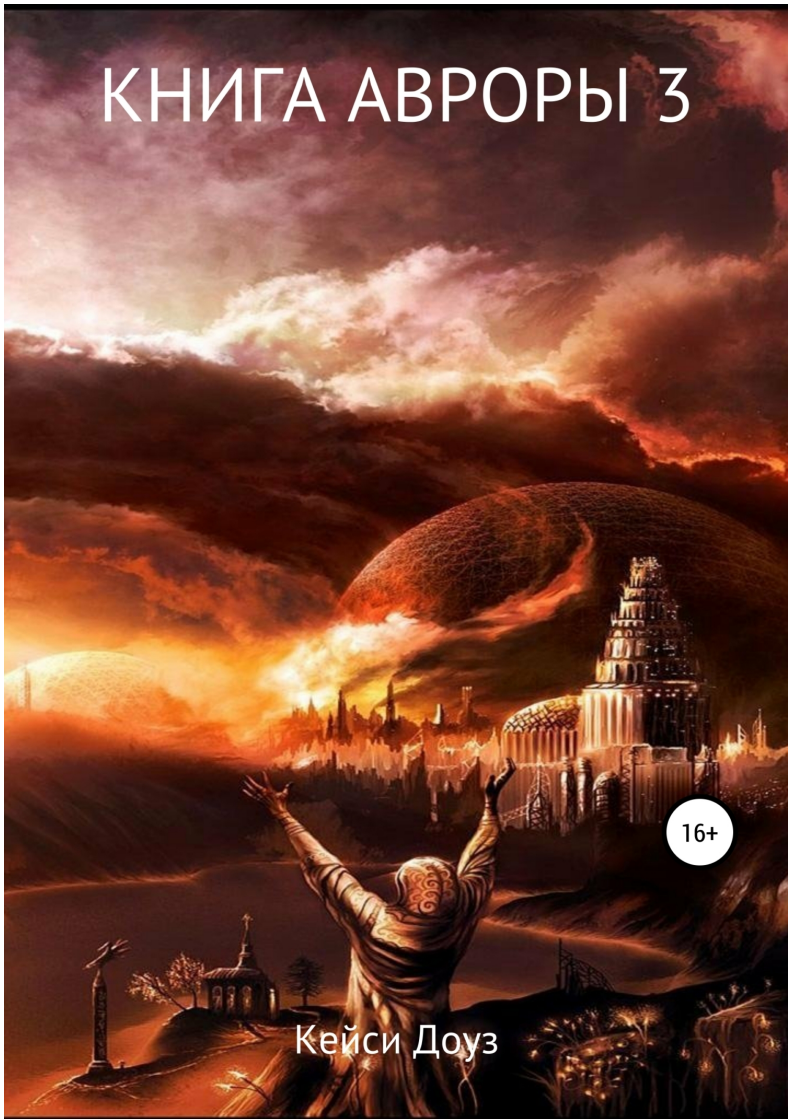

КНИГА АВРОРЫ 3

16+

Кейси Доуз

Кейси Эшли Доуз
Книга Авроры 3.
И дрогнут небеса
Серия «Книга Авроры», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69999688

SelfPub; 2023

Аннотация

Дарнордес возвращается в Поднебесье и собирает армию для новой войны. Каковы будут его дальнейшие действия и сможет ли Капитолий противостоять самому сильному и могущественному из известных творений Финубуса? На чьей стороне окажется победа и какую цену за это придется заплатить?

Содержание

Часть третья	5
Глава 1	5
Глава 2	41
Глава 3	93
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Кейси Доуз

Книга Авроры 3.

И дрогнут небеса

Свет сияет, потому что есть тьма.

Тьма величественна, потому что есть свет.

(с) Комуи Ли

Часть третья

Глава 1

-1-

Я встаю с кровати.

Эта ночь, точнее ее огрызок, который остался после всего произошедшего, была предназначена для того, чтобы мы отдохнули. Никто не тешил себя мыслью, что за несчастных часов 6-8 мы наберемся сил и станем непобедимыми солдатами, или кем там они хотят нас увидеть.

Просто рассчитывали, что мы сможем хотя бы не засыпать на ходу, не видеть того, чего на самом деле нет, не слышать различного бреда, а быть может совсем не бреда – лично я уже раз пять за ночь вскакивала оттого, что мне отчетливо слышались взрывы за окном.

Взрывы, а после казалось, что земля подпрыгивает, моя кровать начинает ходить ходуном, и я вскрикивала, падал на пол, зажимала уши руками, готовая, что это пришла к нам армия Дарнордеса..

Но это было бы глупо.

Они бы точно не стали заявляться этой же ночью.

Да и к тому же, взрывов кроме меня никто не слышал. Кошмары мучали всех, я уверена, просто они об этом молчат. Но от взрывов не кричал никто.

Интересно, своими криками я разбудили бессмертных за стеной? Вряд ли, сейчас бессмертных больше в медицинском крыле, и все они борются за свои жизни. Как это иронично – бессмертные боятся умереть.

На деле это совсем не забавно.

Я зашла в то крыло вчера, когда большинство раненных либо спало, либо было без сознания. Запах горелых перьев, стойкий металлический аромат крови – будто высуну язык и ощутишь этот отвратительный солоноватый вкус.

Все будто пропиталась ею – сам воздух.

Так что в остатках школы не так уж много приживальцев и вряд ли им не нашлось бы места, куда перейти, если я в самом деле их так задолбала своими криками. Надеюсь, они хоть немного поспали – сон теперь единственное, что у нас есть.

Лично я так и не смогла заснуть.

По многим причинам.

Я старалась. Я понимаю, что это логично, и следует делать все, чтобы поддерживать свой организм в хотя бы относительно достаточной форме. Быть может, я смогу это сделать в грядущую ночь. Но пока что – нет.

Однако, несмотря на изматывающую войну и последующую за ней бессонную ночь – встаю я, совершенное не ощу-

щая усталости. Только если эмоциональную.

В эту ночь я потеряла не одного дорогого мне бессмертного, который отныне перестал существовать стараниями Калиго. Хотя именно о Норде я вспоминала чаще всего. Этот ангел, этот открытый ангел, который забрал вместе с собой в Небытие половину моей души.

Если бы я знала тогда, что видела его в последний раз.

Я бы просидела весь день с ним. И всю ночь. А еще лучше осталась там на постоянной основе, чтобы не позволить Калиго забрать его и провести свой демонический ритуал. Но меня там не было. Мне до сих пор непонятно, как Норд смог позволить с собой так расправиться. Он был добрым, но он был сильным. Он вполне мог дать отпор Калиго.

Больнее всего от той мысли, если он пошел с ним, потому что Калиго представился моим помощником. Катус тоже говорил, что он помощник – и Норд сразу же поверил. Скорее всего, именно так и было. Норда погубило доверие мне. Мне и всем бессмертным.

И теперь его не было.

Думаю, так же смело можно вычеркнуть из моей жизни и Тори. И не его одного.

Я поднимаюсь с кровати и слышу истошный бабушкин крик, наполненный неподдельной яростью:

– Я ТЕБЯ УБЬЮ!

Дергаюсь, оборачиваюсь.

Вздрагиваю, а кожа покрывается мурашками.

Опять. Всего лишь послышалось, может с такой частотой пора это называть слуховой галлюцинацией. В любом случае, сейчас она этого не кричала. Лишь мое сознание раз за разом транслирует то, что я услышала не так давно.

Транслирует весьма успешно.

Как и взрывы.

«..демоны и некоторые ангелы упали на колени перед Дарнордесом. Тот стоял неподвижно. С победной улыбкой и такой невероятной уверенностью в себе, что внутри поднималась ярость и желание сбить эту спесь одним точным прицелом.

Но бабушка опередила меня, очевидно, думая так же. Она схватила лежащее копьё, и прокричала:

– Я УБЬЮ ТЕБЯ!

Бросок.

Меткий и неожиданно сильный для такой хрупкой женщины. Я не успела проследить за направлением полета копья, как оно уже вонзилось в мягкую плоть Дарнордеса.

Плечо.

Кровь тут же начала проступать на оставшихся светлых участках толстовки Норда. Я ожидающе наблюдала за этим.

Однако, в следующее мгновение он медленно обхватил рукоять копья рукой, и одним коротким резким движением вытащил его из себя. Кровь тут же начала хлестать из раны куда сильнее, заставляя пропитываться одежду Норда.

На его губах появилась саркастичная усмешка.

Он простоял с этой усмешкой несколько долгих секунд, как бы показывая свое безразличие. А затем взлетел вверх, мгновенно так высоко оказавшись в небе, что нам его уже было не различить.

Большая часть демонов и некоторые ангелы последовали за ним.

Четра вышла вперед, одарив меня презрительным взглядом.

– Мне здесь больше делать нечего.

На мгновение она глянула на кого-то за мной. Обернувшись, я обнаружила, что слегка пошатываясь, аккуратно за моей спиной стоит Катус.

Демоница с надеждой и едва ли не мольбой в глазах едва заметно кивнула ему наверх, предлагая присоединиться. Катус ничего не ответил.

Но его взгляд говорил красноречивее слов.

Хмыкнув, Четра сама взмыла вверх, и за ней стал расплавлять крылья и Тори. Я подбежала к нему, успев дернув за руку.

– Тори! Куда ты?!

Он одернулся, грустно улыбнулся мне и кивнул, будто на долгие прощание времени у него и не было, после чего взмахнул крыльями и присоединился к остальным.

– Ты на теперь на его стороне, сукин сын?! – только и успела я бросить ему в след, не уверенная, что мои слова достигли адресата.

Среди этой удаляющейся огромной толпы бессмертных я различила белый плащ Калиго.

Я глянула на бабушку – она посмотрела на меня так же. Тяжело, отчаянно. Несмотря на то, что я убила Сатану – мы все равно проиграли. И куда более сильному и опасному сопернику.

Ноги стали подкашиваться и я повернулась к Катусу, но там уже не было..»

Я опираюсь руками о стол, что стоит передо мной.

Я вижу его впервые. Вернее, впервые касаюсь. Наша с Асми комната, как и все жилые помещения по той стороне, оказалась сильно разрушена и непригодна для жизни. Даже на какой-то срок.

Поэтому мы без проблем смогли занять пустующие комнаты.

От осознания того, что владельцы большинства этих комнат лежат не в больничном крыле, а на пропитанной кровью земле школы, по коже бегут мурашки.

Я вновь вздрагиваю, словно от пронизывающего холода.

Я не знаю, кто жил в этой комнате. Знаю только, что когда сверху кто-то ходит, у меня сыпется штукатурка. А если кто-то слишком активно передвигается сбоку – тоже где-то что-то отваливается, но проблема в том, что я не всегда замечаю, что именно.

Даже частично сохранившаяся часть школы – оказалась в плачевном положении.

Как и любое бы здание на ее месте, на территории которого развернулась тройная война.

Вряд ли это можно было отныне назвать школой.

Скорее Местом Скорби.

Но пока это была именно школа.

Я подхожу к окну и выглядываю наружу. Для этого даже нет необходимости открывать его, или отражать солнечные блики. В оконной раме нет стекла – но это ничего.

Мне на это плевать.

И думаю, плевать будет еще долго.

Я не вижу сгоревших деревьев, не вижу еще какой-либо части пейзажа. Глядя вниз, я вижу лишь кучи трупов – в черном и белом одеянии, это теперь не имеет значение, когда стало очевидным, что нас просто стравили, как глупых подопытных мышей.

Все они умерли во имя Дарнордеса, сами того не подозревая.

И теперь их трупы лежали здесь. Какую-то часть вызвались ангелы убрать еще вчера, я не знаю, куда они собрались их тащить. Но часть и правда исчезла.

Однако, большая половина осталась.

Я поправила одежду, что вся была в засохшей крови – какие-то капли, наверняка, здесь принадлежат и Сатане. Смотри на нее, понимаю, что просто не могу дальше находиться в этой одежде. Скольких из тех, чья кровь пропитала ее, уже нет в живых?

Резко сдернув футболку и штаны, открываю шкаф. Видимо, прежним владельцем комнаты был демон-парень. Вся одежда мужская, но черная. Беру джинсы, что слегка узки мне в ногах, и какую-то огромную футболку. Самое то.

Сцепляю волосы резинкой. Пройдя по ним рукой, нащупываю и вытаскиваю кусок чьего-то обгоревшего пера. Судя по цвету – это был ангел.

Вздрагиваю и отбрасываю на пол.

Выхожу из комнаты, но в коридоре никого нет. И впервые это не обусловлено временем – просто большинство либо в мед крыле в несостоянии ходить, либо на земле. Либо, что еще хуже, примкнули к Дарнордесу.

Оглядываюсь и плетусь к выходу, но даже не замечаю ничего под ногами.

В какой-то момент мне кажется, что я наступила на труп бессмертного. Я вскрикиваю и отскакиваю – но это всего лишь пошатнувшаяся плитка. После вчерашнего – здесь везде что-то шатается. Проще найти то, что разрушилось до основания, чем то, что все еще стоит крепко, как раньше.

Выхожу на улицу и вижу, как несколько ангелов управляют с трупами. Лито показывает им, что и куда нужно нести, но я понятия не имею, чем он руководствуется. Откуда берет свободное место для их хранения? Или столько рук, что смогли бы всех их захоронить?

А если и так – найдется ли столько земли?

Или бессмертных не хоронят, а просто избавляются от

тел? Не помню, чтобы у Пити или остатков Декстро были какие-то похороны. А здесь, в этом скопище трупов..

Мне не хочется думать, куда они их тащат, и что там с ними делают.

Однако, я подхожу к Лито и аккуратно кладу ладонь ему на плечо. Боюсь, что он испугается и дернется – но он ведет себя стойко. Лишь спокойно оборачивается и кивает.

Тронь меня кто-то со спины, я бы подпрыгнула на месте. Теперь.

Вся моя жизнь, как, кажется, и остальных здесь – разделась на «до» и «после». Возможно, слишком пафосно, и ничто не делилось – так как бабушка вчера себя вела совершенно, как раньше. Возможно, так только у слабаков, которым пережить подобное – это разрушение всех их убеждений и норм, и принятий мира и так далее. Должно быть, сильные личности, просто перешагивают через это и в следующий миг уже начинают разрабатывать план, как поступить дальше.

Я думала, я сильнее. Сильнее, чем бабушка.

Оказалась, я просто была глупой.

Сила и глупость, а вернее даже глупость и отвага – идут близко друг с другом, но если глупость перевешивает – цена такому человеку грош.

Вчера я впервые смогла признать, что бабушка оказалась все же сильнее меня. Умнее меня. Продуманнее меня. И да, она жестока – но зато она точно знает, что делает, и ради чего

и почему она это делает.

Она поняла, что нас обводят вокруг пальца, едва появилась в школе лишь в роли заключенного.

А до меня это дошло только тогда, когда Калиго об этом сказал прямым текстом.

Теперь очевидно, почему она стала Серафимом, а меня обвел вокруг пальца какой-то школьный учитель. Я думала, что делаю во благо – а в итоге лишь помогла ему уничтожить Норда. Если бы я не вытащила по своей идиотичности его из башни, он бы продолжал сидеть там взаперти.

Да, в клетке.

Но живой.

И так не только с ним.

От вновь нахлынувших мыслей, потоку которых нет конца, меня отвлек Лито. Он щелкнул у меня перед глазами. Я и забыла, что подошла к нему.

– Ты в порядке? – бросила я механически.

Он дернул плечами.

Пусть он и старался держаться, но было видно, что предательство отца ему пережить дается тяжело.

Еще бы.

– Бывало и лучше.

На его губах не намек на улыбку. Я никогда прежде не видела Лито таким закрытым и.. отстраненным.

– Как проходит..

– Атиль – он хмурится, но как-то устало – извини, мне

нужно идти. Тела, сама понимаешь..

– Да, конечно. Если что, потом поговорим?

– Да.

Вновь механически.

Мы не поговорим. Ни сейчас, ни потом.

Я гляжу ему в след, пока он продолжает раздавать приказы ангелам, как из школы выходит бабушка и направляется ко мне.

Она неизменна. Что внешне, что внутренне. Такое чувство, что она лишь слышала об этой войне, а не сражалась все время в самой гуще событий.

Но теперь у меня это вызывает не раздражение, а какое-то устало-безразличное восхищение. Осознай я это раньше – я бы воздвигла ей монумент.

А сейчас просто не спорю ни с чем, что она говорит.

Стараюсь понять.

Но не слишком-то пытаюсь.

Однако, когда она подходит ближе, я вижу, что выглядит она уставшей и взвинченной, просто держится хорошо. Она быстро хватает меня под руку и тащит в сторону медицинского крыла.

– В чем дело? – только и спрашиваю я.

– Витацы совсем плох.

Я впервые слышу о нем со вчерашнего дня. Мне так и осталось неизвестным, почему он бросил бабушку в руках Сатаны, потому я спрашиваю:

– Что с ним?

– Его ранили во время боя. Сейчас школе, как никогда, нужна крепкая рука, а что мы имеем взамен?

Ее губа презрительно дергается, и она добавляет с пренебрежением:

– Старика на грани смерти. И разве это бессмертный?!

Она не терпит слабости ни в себе, ни в ком-либо другом, поэтому ее так раздражает состояние Витаци, хоть он в этом и ни капли неповинен.

Но едва мы заходим за поворот, как я вижу Катуса. Он идет, глядя куда-то себе под ноги, потому вовремя не замечает нас и натывается прямо на меня.

Увидев меня, он встрепенулся и как-то дернулся.

С того момента, как я убила его отца, мы так и не поговорили. Я не обнаружила его после отлета Тори ни на территории, ни внутри школы. А в какую комнату он забрался – мне бы никто не смог сказать. Каждый оставался в том месте, которое находил.

Но видя его, я понимаю, что нам нужно поговорить. Слегка останавливаюсь и хватка бабушки на моем локте усиливается.

– Катус, я..

– Давай потом, Атиль – механически бросает он и просто проходит мимо меня.

Я гляжу ему в след. Одна моя часть ничего не хочет, как и он – прошел мимо, и пускай. Бабушка ведет меня к Витаци

– и пускай. Лито избавился от моей компании – и пускай.

Но другая, значительно меньшая частица поглубже, говорит о том, что это тот самый признак слабости. Плыть по течению, независимо от того, что хочется. Передавать все решения в чужие руки, безвольно покачиваясь на волнах судьбы и наблюдая, куда же они тебя занесут.

В итоге я все-таки встряхнула головой и аккуратно высвободилась из бабушкиной хватки, на что она с неудовольствием вскинула бровь:

– В чем дело?

– Я быстро, подожди меня минуту.

Я отбежала быстрее, чем она успела бы задать еще лишние вопросы.

Катус за это время отделился уже на добрые несколько шагов, но я все равно догнала его.

-2-

– Катус!

– Все в порядке.

Он бросил это на ходу, даже не обернувшись, что полностью и целиком говорит об обратном. У меня нет сил его разубедить, или пытаться быть более тактичной, потому я просто говорю:

– Я же знаю, что это не так.

Демон резко останавливается и поворачивается ко мне.

Руки он засунул в карманы, пронзительным взгляд уставился на меня. Он смотрит и молчит.

– Что?

– Я слушаю.

Я растерянно сложила руки на груди.

– О чем ты?

Его брови раздраженно изгибаются и он напряженно ухмыляется.

– Ну ты же все знаешь! Сама сказала.

Хочется огрызнуться. И я огрызаюсь. Как-то коряво, сама не понимаю, что именно ставлю ему в вину, после чего лишь прикладываю ладонь к собственному лицу и вздыхаю.

– Ладно, как знаешь. Я просто хотела попросить у тебя прощения за отца. За то, что я его убила.

– Это последнее, чтобы я хотел услышать.

Я отнимаю руку от лица и изумленно смотрю на него. На губах Катуса скользит грустная усмешка.

– Атиль, я демон. Привык видеть хорошее даже в самом хреновом.

– Необходимое зло..

– Типо того – он поджал губы и нехотя добавил – знаешь, я ненавижу своего отца в той же мере, что и любил. Думал, он испытывает ко мне тоже самое.

Его губы вновь исказила болезненная усмешка.

– Но как выяснилось, кроме ненависти ко мне в нем ничего не было. Он с такой легкостью отказался от меня, словно..

Катус замолчал. Он не подбирал слов – просто замолчал, глядя в некуда стеклянными глазами, будто перед ним вновь и вновь вставала картина, где Сатана со смехом разрешает Витаци убить его, сообщая, что есть вещи и поважнее сына.

Я протянула руку и едва ощутимо коснулась пальцами его щеки. Раны практически полностью исчезли – никаких серьезных, дабы нужно было вмешательство медицины, у него не было. А может, просто сила была большая, чем у остальных ангелов и демонов, что валялись по койкам.

Катус перевел взгляд на меня, остановившись на глазах.

Когда он притянул меня в свои объятия, я не стала сопротивляться – напротив, покрепче обхватила его шею, будто ища в тепле его тела собственное утешение, ограждение от всего, происходящего во вне.

Он уместил подбородок мне в ямку между плечом и шеей, и прошептал:

– Ты тоже прости меня.

– За что?

– Поводов было более, чем предостаточно. За все мое скотское поведение. Если когда-то.. причинял боль. Я не умею по-другому, учителей не было.

Казалось, что говорит он искренне – и слышать это от него было оттого еще неожиданнее. Однако, вспоминая все его ранние действия, включая безвозмездную помощь в спасении Норда, я понимаю – он пытался сказать об этом мне давно.

Поступками.

И я совру, если скажу, что не замечала этого. И совру, если скажу, что мне не хотелось прижаться к нему крепче – после «гибели» Норда и ухода Тори, он по иронии судьбы оказался мне самым близким.

Но вместо этого я отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза.

Наши губы встретились сами собой – и он притянул меня к себе еще требовательнее, чем раньше, но впервые это не было неожиданностью. Он не пытался сделать это в холле школы, не врывался ночью в комнату – он просто понял, чего от него жду я, и дал мне это.

– Атиль, что здесь происходит?!

Бабушкин резкий голос мгновенно разрушил все чары между нами.

Мы с Катусом отстранились друг от друга так поспешно, что со стороны это бы выглядело даже до абсурдности нелепо. Двое бессмертных, стоящих на пепелище войны и усердно делающих вид, что не нарушают какой-то там идиотский закон, до которого уже никому дела нет.

– Прекратите немедленно! – добавила она жестко. Ее голос стал стальным, как железо – этого еще не хватало.

Она тремя резкими шагами подошла и вновь схватила меня за локоть.

– Ты мне нужна. Я уже говорила.

В ее голосе прозвучал упрек – я умудрилась поставить

нечто выше дел школы. Бабушка этого понимать не соби-
лась.

И была права.

– Поговорим потом – кивнул мне Катус и я кивнула, по-
слушно спеша за бабушкой, которая требовательно тянула
меня за локоть, не сбавляя темпа и скорости шага.

В ней была энергия, необходимая сейчас каждому.

– Ты не так поняла.. – начала я, но бабушка отмахнулась.

– Не сейчас.

При нашей скорости, мы дошли до госпиталя, который
организовали в наиболее подходящих «руинах», довольно
быстро. Пара минут, через тропинки того, что осталось от
сада.

Кому-то хватило коек, кому-то принесли свободные кро-
вати из пустых комнат – но большинство лежали прямо на
полу, на каких-то тряпках. Вид всего этого сильно напомнил
мне различные бомжацкие земные приюты – но это непра-
вильно. Ведь это подобие больницы – здесь бессмертные,
нуждающиеся в медицинской помощи, а по итогу валяются,
забытые кем только можно.

Но бабушка равнодушно проходила мимо них всех, ве-
дя меня к определенному больному. Он, конечно же, был не
просто на койке – а рядом с окном, отдельно ото всех.

Даже сейчас – особенный.

Витацци лежал на спине, вытянув руки по швам, словно
в гробу, и не моргая смотрел в потолок. Не знаю, что его

заставило проводить время именно в такой позе. Рядом с его койкой стояли Роленд и Селита.

Я облегченно выдохнула.

Они тоже живы. И Роленд не умчался вместе с остальными демонами с Дарнордесом. Таких, как он и Катус здесь осталось мало – большинство теперь находилось непонятно где, зато очень даже понятно с кем.

Я слегка потянула бабушку назад.

– Зачем ты меня к нему привела?

Она нетерпеливо повернулась и прошептала:

– Для того, что я хочу сделать, в свидетелях нужен один из учеников школы. Этим учеником будешь ты.

– А что ты хочешь сделать?

Но бабушка уже силой вела меня к койке директора.

Что она задумала?

Едва мы подошли к нему, Витаци слегка повернул голову на нас.

– Как ты?

Бабушка в знак утешения положила ему руку на плечо, но жест этот был до того сухой и механический, что даже мне стало холодно. Лучше бы она вообще этого не делала.

– Не мертв, а значит все еще бессмертен.

Он попытался рассмеяться, но лишь закашлялся и вытер заготовленным платком окровавленные уголки губ.

– Хватит обо мне – заявил он – надо обсудить дальнейший план действий.

Но едва Серафим попытался подняться, как бабушка мягко, но требовательно, уперлась ему на ладонью на грудь, заставляя вновь лечь.

Роленд и Селита озадаченно наблюдали за происходящим.

– Тебе нужно отдыхать.

Витаци непонимающе нахмурился.

– Нет времени, Дарнордес мо... кха-кха – он принялся кашлять, и чем быстрее хотел этот позыв подавить, тем сильнее получалось, и в итоге его лицо покраснелось, словно у какого-то чахоточника.

– Школа сейчас очень уязвима – холодно заметил Роленд и Селита кивнула.

– Да, учеников надо защитить.

Бабушка смерила их стальным взглядом и едва заметно скривила губы.

– Я этим и занимаюсь – взгляд на директора – Витаци, ты слишком слаб. Школой займусь я.

Серафим приподнялся на койке, ошарашенно глядя на бабушку, словно впервые в жизни ее увидел.

– Так решил Финубус или совет?

– Так решила я.

-3-

Роленд нахмурился и сурово скрестил руки на груди.

– Кто дал вам такие полномочия?

– У нас нет времени на бюрократические издержки.

Она бросила это с такой небрежностью, словно в принципе не считала себя обязанной что-то им объяснять.

– Витаци, ты знаешь, что я смогу. Она – короткий кивок на меня – здесь для этого же. Бывший глава школы, главные учителя и моя внучка, как представитель учеников – я объявляю себя перед вами новым директором.

Новым?

(не может быть, как же это, ведь Витаци самый первый директор, какая отставка)

Точнее, вторым?

Я изумленно смотрела на нее, после чего глянула на бывшего директора. Он выглядел растерянным и одновременно взбешенным до такой степени, что эта злость делала его перед бабушкой по-детски беззащитным.

Он был против, но не мог возразить, потому лишь молча поджал губы.

Это было неправильно.

Это было нагло.

Добивать его и забирать власть лишь в силу того, что он оказался более беззащитным.

Мне захотелось возразить, начать спорить с ней.. но я задержала язык за зубами. Так я делала раньше. И к чему это привело? Бабушка во всем оказалась права, а я проиграла по всем пунктам.

Если она что-то делает – значит, так надо.

Она объяснит это либо сейчас, либо ее действия и мотивы станут понятны позже, но скорее всего, так правильно.

С другой стороны – Витаци правда и раньше был не в том состоянии, чтобы отдавать верные решения – а теперь, лежа здесь, и тем более. В бабушке достаточно стержня, чтобы хотя бы попытаться как-то вернуть что-нибудь в какое-нибудь русло.

Шансов больше, чем если отдать бразды правления заново ему.

В общем молчание, Роленд равнодушно пожал плечами.

– Если Аврора готова взвалить эту ношу на себя, то я не против.

– Я только хочу знать – прощebetала Селита – вы это делаете из альтруистических побуждений или честолюбивых соображений?

В голосе бабушки послышалось нескрываемое раздражение:

– Я делаю то, что необходимо для соблюдения Равновесия, Селита.

Витаци же смотрел в потолок с равнодушным выражением, словно отныне его не интересовало все то, что здесь происходит. Очередность бабушкиного острого взгляда вновь вернулась к нему, словно неизбежная картечная очередь:

– Витаци, будет честно – несмотря на наши всеобщие молодые оболочки, внутри ты слишком стар. Ты провел слиш-

ком много времени и здесь, и на земле. Ты устал и не скрывал этого. Твои действия стали необдуманными и кое-где даже истеричными. Ты упустил мальчишку, из-за чего у нас теперь еще больше проблем, да и в принципе перестал справляться с делами школы даже в обычном режиме, не говоря про военное время.

– Иногда нужно вовремя уйти – она надменно уперла руки о бедра – я не нянька, чтобы разжевывать тебе такие вещи. Ты временно отстранен, у меня на этом все.

Бабушка развернулась на пятках и ушла, даже не собираясь забирать меня с собой. Едва она покинула больничное крыло, как бывший директор принялся щипать простынь и тихо посмеиваться, больше напоминая душевнобольного, чем покалеченного войной.

Наконец, его взгляд обратился ко мне.

– И пал солдат от меча, что восхищал его когда-то. И умирая, не мог не восхититься этим.

Я сочувственно улыбнулась, как за спиной раздался непривычный для этого места визг.

– Ати!

Обернувшись, я увидела на одной из коек Асми.

-4-

Ее, как и многих остальных, я не видела со вчерашнего вечера. Точнее, со вчерашней безумной ночи, после которой

все еще не скоро придет в норму, если намеревается в нее вообще когда-либо прийти. Конечно, я заглядывала вчера на пару минут в это крыло, но тогда среди кучи бессмертных сложно было отыскать кого-то определенного, тем более, если ты не знал, кого искать. Везде жженные крылья, стойкий запах запекшейся крови, кто-то уже умер, кто-то выжил – а кто-то умирает прямо на твоих глазах.

Не знаю, как выдерживали ангелы и демоны, что помогали раненым бессмертным, но вчера я не смогла здесь провести достаточное количество времени, чтобы найти подругу. Хотя подозревала, что она должна быть здесь, если жива. Я видела, как Лито на руках с ней летел в сторону мед крыла.

Правда, тогда она была такой обмякшей, что во мне зародились сомнения касательно ее состояния – но теперь она выглядела намного и намного активнее и живее всех прочих бессмертных, которые здесь находились.

Она тут же спрыгнула с койки. На ней была какая-то новая черная одежда, не удрученная последствиями войны – наверное ей, как и мне, дали что-то из пустых комнат. И ей, как и мне, досталось черное. Что ж, ей идет.

Асми бежит навстречу мне и я осознаю, что делаю то же самое, и на середине пути мы сталкиваемся, будто два несущихся на всех парах метеорита. От удара у меня на мгновение перехватывает воздух, но тут мои пальцы вжимаются в спину подруги, и она делает то же самое. Мы пищим, как обычные смертные, пытаясь сжать друг друга едва ли не на-

столько сильно, чтобы физически запихнуть в сердце.

В итоге медсестра-ангел проходит мимо нас и мягко просит вести себя потише. Не все больные разделяют наши радость. Кто-то многих потерял, кто-то потерял многое от себя. Наше воссоединение не носит для них никакого морально-реабилитационного характера.

– Финубус, я думала ты умерла! – шепчет Асми так взбудоражено, что ее челюсть трясется. На губах скользит довольная улыбка и она вновь сжимает мою руку.

– Я думала тоже самое о тебе – признаюсь я – видела, как Лито нес тебя сюда. Я так и не поняла, куда ты делась, после того, как..

Демоница быстро замахала руками, будто ответ рвался наружу настолько старательно, что она больше не могла его сдерживать.

– Как только комната порушилась и нас выкинуло, я полетела к отцу! Я хотела помочь ему, но даже не успела долететь – кто-то из ангелов сбил меня в воздухе, не знаю, что за мурак это был.. – она нахмурилась – но прошелся по мне он конкретно, потому что больше я ничего не помню. Лито, говоришь, отнес?

– Да.

Она сводит брови к переносице.

– Странно. Не думала, что он станет помогать демонам.

– Думаю, Лито, как и моя бабушка, раньше остальных осознал, что ангелам с демонами нечего делить. По крайней ме-

ре, не в условиях войны.

Глаза Асми наполнились ужасом. В них читался немой вопрос, который сорвался с ее губ спустя мгновение:

– Дарнордс..?

– Да.

Слухи о его возвращении разнеслись быстрее, чем хотелось бы. Теперь уже каждый знал, что он вернулся и большинство демонов примкнуло к нему.

Теперь уже была логика в том, чтобы вновь произносить его имя без «е». Хотя, как я считала, это совершенно ничего не меняет. Мы могли называть Сатану как угодно, но если он решил прийти с войной – он бы пришел хоть под «Сатаной», хоть под «Ангелом Финубуса».

Имя – лишь попытка бессмертных убедить себя в том, что они могут как-то повлиять на исход. Странно, что моя бабушка так же проглатывает «е». Она вроде из тех, кто любит побеждать действиями, а не словами.

– Большинство демонов улетело с ними, как ты знаешь.

Мы перестали улыбаться.

Разговор в одно несуразное мгновение стал слишком серьезным. Слишком много мин, на которые не следует наступать – и мы обе будто бы прощупывали землю, чтобы при следующем шаге не взлететь на воздух.

– Тори?

Я молча кивнула. Асми тут же взбешено стукнула себя кулаком по коленке.

– Сукин сын!

– Асми.. – я прикрыла глаза, хотя назвала его вчера так же – он имеет право на выбор. Каждый имеет, мы должны его понять.

– Бред собачий! – взвилась она – он предатель! Он чертов предатель! Калиго по приказу Дарнордса убил его Пити, а он теперь с ним заодно?!

Да, то, что произошло у дерева, стало достоянием общест-венности в такие же короткие сроки. И учитывая, что я ничего не говорила, а Катус был не из болтливых в принципе – оставалось только догадываться, каким образом информа-ция обнародовалась.

– Он так решил.

– Чертов ублюдок! – повторила она, но вновь стихла.

В ее глазах читался очевидный вопрос.

– Катус остался – проговорила я. Странно, что она об этом не знала. Не так много демонов осталось, и почти всех знали по именам, тем более, сына погибшего Сатаны.

– Слава Финубусу – выдохнула Асми.

– Четра улетела.

– И скатертью ей дорога, сучка. Надеюсь, Дарнордс сде-лает из нее что-то вроде мелкой прислуги или пешки, что первую пускают в расход в бою!

Молчание.

– Роленд тоже здесь.

– Это я знаю. Видела. Он постоянно торчит у койки Ви-

таци.

– Да.

Она обеспокоенно поднялась на локтях вновь.

– Что с моим отцом? Я слышала, его заточили в тюрьму!

Я хочу его увидеть!

Я вздохнула.

– Да, это так. Бабушка не доверяет ему из-за того, что он прислуживал Сатане.

– Но он не имеет никакого отношения к Дарнордсу! – с жаром воскликнула Асми – а это главное! Все вопросы Ада и Рая уже давно забыты, разве нет?

– Если бы я могла решать, Асми..

– Я должна его увидеть – повторила она твердо.

– А тебе долго здесь лежать осталось?

– Думаю, до завтра восстановлюсь. Хотя я уже почти, как огурчик. Бессмертных не так легко убить.

Она старалась пошутить, но куча тел во дворе говорили совсем об обратном. Каждого легко убить, если захотеть.

– Ладно, может до завтра я что-нибудь придумаю по поводу твоего отца – кивнула я.

Когда чья-та ладонь опустилась на меня сзади, я резко вздрогнула. Впрочем, такой реакции я ожидала от себя еще во дворе. Обернувшись, я заметила Роленда.

– Договорите потом – заявил он – всем, кто может стоять на ногах, надо появиться в зале. Новый директор созывает всех на собрание.

– Новый директор? – брови Асми взлетели вверх и мне стало неловко. Я знала, как она относится к моей бабушке, но кто-то должен был сказать ей об этом.

– Да.. моя бабушка теперь временно занимает этот пост. Рот Асми открылся и закрылся, словно у рыбы на суше.

– Просто Витаци пока не в состоянии что-то делать – принялась будто оправдываться я – сама же видишь, в каком он виде. Ему нужно поправляться, вот бабушка и решила..

Асми подняла руку вверх, перебивая меня.

– Ладно – бросила она – неважно.

Я благодарна кивнула ей.

– Нашу комнату разгромили, теперь я живу в другой – заявила я напоследок – к завтра я приведу ее в порядок, так что можешь заселяться.

Демоница усмехнулась и подмигнула мне, но что-то в выражении ее глаз изменилось. Кажется, она не была готова к тому, что я встала на сторону бабушки. Вернее, не так. Она не была к тому, что все встали на сторону бабушки и что самое главное – теперь на ее сторону придется встать и самой Асмеде.

-5-

Когда я зашла в холл, то впервые увидела не большую толпу, а лишь ее жалкие остатки. И не потому, что многие проигнорировали бабушкину просьбу, а лучше даже сказать –

требование. А потому что ровно столько на данный момент было бессмертных, что могли «стоять на ногах». Надеюсь, со временем положение исправится – все-таки это только первый день.

Если так и продолжиться – то мы в полной заднице.

Я неловко поежилась. Впервые меня не зажимали со всех сторон, потому что встать негде было и все теснились, словно сардины в банке. Теперь у каждого было не только место, но и достаточное пространство вокруг него. Правда, все оно шаталось так же, как и во всей школе. Большинство фресок разрушилось, лестница, что вела на второй этаж – оказалась полностью погребена. Но все-таки мы собрались именно в этом холле.

Возможно, этим бабушка пыталась внушить бессмертным, что все не так плохо. Что все еще может быть, как раньше.

Но так ли это?

Сможет ли когда-нибудь быть все, как раньше?

Она гордо выпрямилась, стоя перед нами. Прошли почти сутки, но никто пока так и не сказал громогласно этих страшных слов, что у всех вертелись на устах.

– Дарнордс вернулся.

Бабушка вновь проглотила «е».

Она скрестила руки на груди, выходя невосмутимо и величественно, как всегда.

– Надо взглянуть правде в глаза. Он натравил стороны

друг на друга, зная, что после этого столкновения мы будем слабы. И он добился своего. Не сомневаюсь, Дарнордс собирает армию, но сложно пока предположить его дальнейшие действия.

Она сделала паузу.

– Схватка была ожесточенной. Мы потеряли много бес-
смертных. Я хочу выразить благодарность всем, кто проявил
храбрость и не отступил.

Ее взгляд скользнул куда-то в толпу.

– Отдельное спасибо выражаю Джейку, который помог
спрятать всех раненных ангелов и демонов, и охранял вход
школы.

Я изумленно оборачиваюсь, следя за ее взглядом, и нахо-
жу Джейка. Он смущенно опустил глаза в пол, щеки зали-
лись красным. Кое-где остались небольшие царапины, но в
целом вид неплохой.

Он помогал школе?

Он же собирался покинуть Рай.

Хотя, я тоже собиралась уйти на их сторону, но в итоге
убила Сатану. Вчера многие поменяли свои решения и пере-
смотрели позиции в свете реальных событий, а не розовых
иллюзий.

У меня невольно родилось в груди уважение к Джейку.
Мы оба достойно себя показали и вели, не в пример Нуле-
вым, о которых долгое время складывали мнение слабаков.

Словно почувствовав мой взгляд, он поднял голову и по-

вернулся. Я кивнула ему.

Он слегка улыбнулся и кивнул мне в ответ.

– Так же нельзя не отметить смелый поступок моей внучки, убившей самого Сатану – продолжила бабушка.

Это напускная похвала была такой неожиданной, что теперь я, словно Джейк, опустила глаза в пол.

– Возможно, исход был бы другой. И все же – жертв оказалось слишком много. Я хочу..

Я смотрела на бабушку, но вдруг перед моими глазами мелькнула вспышка. Подобную я видела в зеркале Норда, перед тем, как отображалось его изображение. В этот раз вспышка сменилась темнотой, голос бабушки совсем исчез, а в следующую секунду я увидела Дарнордеса.

«Он стоял перед своей армией.

На нем больше не было той светлой толстовки и штанов, что некогда принадлежали Норду. Теперь его ноги покрывали бордовые брюки, в тон его кровавым крыльям, и поверх был накинут огромный черный плащ, запахнутый, словно халат на голое тело, и закрепленный толстым коричневым ремнем на талии.

Некоторый кусок оголенной груди был виден, как и полностью обнажены его руки, демонстрирующие его физическое совершенство. Он словно желал запугать своих собственных людей.

На лице Дарнордеса играла уверенная усмешка.

Вдруг одна из теней в первом ряду сделала шаг вперед.

Судя по крыльям и черному одеянию – это был один из демонов. Однако, взгляд его был слегка настороженным и отчасти недовольным:

– Наш предводитель мертв! Ты появился в конце, на все готовенькое! Почему мы должны идти за тобой?!

Часть армии тут же закричала «ДА!».

Я ожидала, что это вызовет его ярость, но Дарнордес лишь снова улыбнулся.

– Хотите знать, почему вы должны идти за мной?

Последующее произошло быстрее, чем в доли секунды. Дарнордес с нечеловеческой скоростью в мгновение ока переместился к стоящему демону, что задал этот вопрос, и будто бы в интимном жесте прижался к нему грудью. Но уже в следующее мгновение изо рта демона потекла кровь, и тогда Дарнордес сделал шаг назад.

Из живота несчастного бессмертного показалась рукоять меча, который тот каким-то образом успел в него вогнать. Дарнордес вытащил его, и небрежным движением вытер о ногу демона испачканное лезвие сначала с одной стороны, потом с другой, после чего прокричал:

– ПОТОМУ ЧТО МОЕЙ ЗЛОБЫ ХВАТИТ НА ВАС ВСЕХ! ЕЩЕ ВОПРОСЫ?!

И вся армия взревела, поддерживая своего нового предводителя.»

Я вздрогнула, когда белый свет холла вновь ударил по глазам. Еле смогла удержаться на ногах, чтобы не привлекать

ничье внимание. Первое, что я сделала – тут же стала лихорадочно искать в толпе Катуса, но найдя, обнаружила, что он задумчиво смотрит себе куда-то под ноги.

Выходит, он не видел того, что видела я.

Но ведь все предыдущие видения мы видели вместе?

Однако, это не было похоже на видение. Это было словно то, что происходило там в тот же самый момент. Но почему все-таки я видела это одна?

Передо мной вновь, только теперь уже фрагментом воспоминания, встал образ Дарнордеса, каким его видела армия. Его сила ужасала.

До моих перепонок вновь донесся голос бабушки, продолжавшей свою речь толпе:

– ... уроки не отменяются, но теперь они будут с военным уклоном, чтобы вы в скорейшие сроки смогли пополнить поредевшую армию.

Одна из девушек-ангелов ужаснулась:

– Вы хотите, чтобы мы воевали?

– Впереди неизбежная война, вы должны понять это. Вы можете отказаться воевать – но вы обязаны уметь за себя постоять. Другой путь – смерть.

Ее слова взбудоражили учеников.

Паника, страх и ужас, до этого обуявший их лишь глубоко внутри себя, наконец-то вырвался наружу – а призыв воевать, будто проткнул этот наполненный до краев воздушный шарик, послужив иголкой.

Кто-то крикнул:

– Я хочу улететь отсюда!

И остальные подхватили это.

Они боялись, они не хотели умирать, видя, что происходит с воюющими. И я их прекрасно понимала. Они просто хотели находиться в безопасности, но не понимали, что таковой сейчас нигде нет.

– ТИШИНА!

От бабушкиного крика даже посыпалась штукатурка. Впрочем, вполне возможно просто кто-то сверху прошелся – теперь сказать было сложно. Здание едва держалось.

Но так или иначе – она смогла добиться некоторой тишины, чтобы продолжить.

– За стенами школы опаснее. Я поговорю с Капитолием и попрошу у них укрытия для части учеников.

– Это вряд ли.

У дверей замерла внушающая фигура. Это был мужчина высокого роста – его внешность была неестественно выбелена даже для ангела. Волосы настолько белые, что бьют по глазам, а сами глаза почти что бесцветные. Кожа, словно мрамор, а блеклые губы едва выделяются на общем фоне лица.

Поверх его плеч был накинут какой-то красный камзол, облегающий тело от шеи и до пят, а под ним красовался стального цвета наряд из штанов и верха, покрывавшего все горло и озаменованного какой-то золотой брошью.

Все, без исключения, пальцы незнакомца украшали мно-

гочисленные перстни со сверкающими камнями.

Все тут же расступились перед ним, благоговейно умолкнув.

– Советник Капитолия – кивнула бабушка, тщательно пытаясь скрыть свое удивление.

-6-

Советник Капитолия – как назвала его бабушка – неспешно пошел к ней, словно пожаловав на какой-то званый прием. Судя по его поведению – он был каких-то неслыханно серьезных масштабов хрен.

Поднявший к ней, он развернулся к толпе.

– Вам запрещено покидать школу до выяснения обстоятельств.

При виде того, что кто-то попытался отнять ее полномочия даже на мгновение, лицо бабушки тут же приняло недовольное выражение, губы слегка скривились.

– Что вы тут делаете?

Советник даже не повернулся к ней.

– Серафим Аврора, Атиль, Катус и Лито должны последовать за мной в Капитолий.

Во рту пересохло.

Что опять?

Я же вроде даже ничего не делала. Старалась не высываться, или это из-за утреннего случая с Катусом? Но при

чем здесь тогда Лито?

– Я думаю, меня достаточно – сухо заявила бабушка.

– Увы.

Но вместо сожаления на губах Советника скользнула легкая самодовольная ухмылка.

– Отец Лито, ангел Калиго, оказался последователем Дарнордеса.

В отличии от бабушки, советник произносил его имя верно, соблюдая произношение «Е», не взирая на смысл его перевода.

– Сатана, возможно, был их соучастником. Атиль и Катус участвовали в ритуале по освобождению ипостаси Дара из заточения и его воссоединению с Нордом. Мы должны разобраться, связаны ли они с Дарнордесом.

Бабушка быстро глянула на меня.

Она была в бешенстве.

Только было не до конца понятно на кого именно.

– Если это необходимо.. – процедила она, скрестив руки на груди.

– Уверяю вас.

Советник глянул в толпу, поочередно найдя в ней глазами каждого из своего списка.

– Катус, Атиль и Лито – вас ждут в столице Поднебесья.

Глава 2

-1-

До этого я была убеждена, что Капитолий – это оплот Серафимов. Верховной власти, или что там такое. Короче, собрание ангелов, которые наиболее приближены к Финубусу и которые решают все главные вопросы Поднебесья. Типо Белого Дома в Америке.

Как выяснилось после появления Советника, чей уход оставил слишком много вопросов, Капитолий – это вовсе не отдельное здание с правящей верхушкой во главе.

Капитолий – это Центр Поднебесья. Эдакая нейтральная территория между Адом и Раем, автономный обособленный город, в котором проживают в равной степени обе стороны, но правят, почему-то, исключительно на высоких постах Серафимы.

К слову, то, что я подразумевала под Капитолием – на самом деле есть. Туда нас и пригласили. Главное здание Капитолия – Верховная Башня.

Вот там-то, а не в самом Капитолии, и находятся самые сильные бессмертные, в руках которых решение и ответственность за самые грандиозные действия и самые существенные идеи.

И одна мысль о том, что я обязана там показаться – вызывает мандраж.

Я ранее не была нигде, за территорией школы – за исключением Пещеры Плакалицы, и понятия не имела, что меня там ждет. Какие именно вопросы мне будут задавать, и как именно я должна на них отвечать, чтобы не разгневать верхушку. Что обо хотят услышать, а самое главное, как меня там позиционируют – как жертву, которая стала заложником обстоятельств, или как пособника, который нарочно помог все это провернуть?

Не удивлюсь, если найдутся там и те, кто склонны ко второму.

Бабушка дала мне светлые вещи, и сказала, что я должна переодеться в них. Не знаю, зачем это – всем прекрасно известно, что я Нулевая. Или она хочет показать некоторую иллюзию, что я на стороне ангелов, раз ношу светлое?

А сама я знала, на чьей я теперь стороне?

Раньше я говорила, что на стороне справедливости.

Впрочем, ничего не поменялось – кроме одного. Я теперь понятия не имела, на чьей стороне справедливость – и осталась ли во всей этой кровожадной анархии она вообще, или каждый теперь просто пытается бороться за свою идею, раз уж пошла такая пьянка?

Стук в дверь.

Я поспешно закалываю волосы, а светлая одежда все еще валяется на кровати.

– Атиль, ты готова?

Бабушка входит, не удосужив себя вторым стуком. Скептически оглядывает меня, как обычно, слегка высокомерно.

– Нам пора выдвигаться. Почему ты все еще не готова?

– Я сейчас – не сумев заколоть волосы, оставляю их распущенными и быстро стягиваю чью-то темную одежду, в которую облачилась с утра.

Скрестив руки, бабушка наблюдает, как впервые на моем теле оседает исключительно светлая одежда. Какая-та блузка и белые брюки, слишком свободные в бедрах. Очевидно, их носил до меня кто-то более фигуристый.

В бабушкином взгляде не капли женской оценки.

Лишь холодный расчетливый взгляд Серафима, который будто подгоняет в голове мой образ под ситуацию, в которой предстоит оказаться.

В итоге короткий сухой кивок.

– Хорошо. Пошли. Остальные уже ждут внизу.

Я окидываю комнату взглядом и бегу следом за ней. Когда я едва начинаю привыкать к бабушкиной спеси, она умудряется выдать что-то новое. К этому невозможно привыкнуть, но я стараюсь хотя бы держаться смиренно.

Выполнять то, что она велит.

За последний день я не сказала ей ни одного слова против, хотя не уверена, что она это заметила.

Возражения со стороны вызывают в ней презрение, а безропотное подчинение принимается как совершенно обыден-

ная данность.

Выйдя во двор, я замечаю Лито и Катуса, что и правда ждут лишь нас. Подле них четыре непонятных существа, которых я вижу впервые. Они золотистые, с какими-то красными вкраплениями на конечностях. Глаза полностью черные, что вызывает некоторое отторжение, несмотря на их безобидный облик.

Ну как безобидный.

Каждый из них раз в пять больше меня, если не во все десять.

– Это что..? – я сомнительно гляжу на бабушку, после чего вновь на четыре существа, покорно стоящих напротив – или.. кто?

– Это нитры.

– Нитры?

– Нитры – кивает Лито, потому что от бабушки ответа не дожидаться, словно это слово должно было мне обо всем и сразу рассказать – типо драконов, только в Поднебесье. Они не пускают дым или всякое такое, что есть в земной культуре, но являются самым быстрым способом передвижения.

– А сами мы не можем полететь?

– До Капитолия путь не близкий – заявляет бабушка – мы устанем, а это ни к чему. Нитры – самый оптимальный вариант.

– Почему я раньше их не видела?

– Это редкие существа – вновь Лито – просто так ими не

обзаведешься.

– Эти я выбила у Капитолия на дорогу.

В голосе бабушки не капли тщеславия. Уверенный тон, говорящий о том, что она и не сомневалась в том, что добьется чего угодно у кого угодно, если ей это понадобится.

Катус, не глядя на меня, первым забирается на странное существо, прерывая наши дискуссии.

– Быстрее начнем – быстрее закончим – заявляет он.

Так странно видеть, как различно он себя ведет. Я была уверена, что мы поговорим перед Капитолием, но он вновь делает вид, будто утром ничего не было.

Так боится показать свои чувства, потому что считает любое проявление чувств слабостью, которую он не терпит. Я не намерена долго терпеть это подвешенное состояние, но сейчас точно не то время, чтобы что-то решать.

– Прошу вас следить за каждым сказанным словом. Верховная Башня ошибок не прощает.

Бабушка следом за Катусом оседлала свою Нитру.

Лито прищурился.

– Нам нечего скрывать.

Я ничего не говорю. Конечно, зачем слова? Я и так привлекаю всеобщее внимание, когда и с пятой попытки не могу забраться на Нитру, хотя начала это делать сразу после Катуса. Огромное существо покорно склонило колени, позволяя мне его оседлать, но мой низкий рост..

Хотя, может дело и не в росте.

Бабушка ведь тоже невысокая.

Я жду, что один из парней все-таки спустится и поможет мне, или бабушка расскажет технологию по тому, в чем я ни разу не принимала участие. Но нет, все трое делают вид, что мои пыхтения совершенно обычное дело.

Из-за этого во мне на мгновение вдруг вспыхивает забытое раздражение. Оно во мне вызывает странный прилив энергии – такой, какое может вызвать лишь какое-то негативное чувство.

В следующий момент я уже смогла взобраться на Нитру. Победно-усталая улыбка скользнула на моих губах.

И наши Нитры одновременно взмыли в облака.

-2-

Несмотря на мои ожидания, приземлились мы лишь перед самым входом в Верховую Башню. Я думала, мы остановимся где-то в Капитолии, а до сюда дойдем пешком, или, что еще более вероятнее – нас проводят.

Мы ведь жданные гости. Они лично нас пригласили.

Или это было не приглашение, а требование?

Не хочу думать.

Когда я самоотверженно пытаюсь слезть с Нитры, то все-таки оступаюсь и падаю, но Катус вовремя оказывается рядом и поддерживает меня. Однако, взгляд его бесстрастный, а движение скорее механическое. Ничего не говоря, он гля-

дит на ворота.

Позади нас слышится гул, будто навязчивое пчелиное жужжание – там большой город. Там кипит жизнь бессмертных, что живут в непосредственной близости от главного строения Поднебесья. Однако, несмотря на это, я бы не хотела здесь жить.

Погода в Капитолии, судя по тому, что в полете нам успела рассказать бабушка, и что я видела сейчас сама – далека от идеала. А если вернее сказать – просто поганая. Постоянные дожди, небо в не сходящих тучах, грязь и слякоть как неотъемлемые спутники той серости, что однажды опустилась на столицу и так и не пожелала сойти обратно.

Капитолий – будто вечный самый дождливый день в самом мрачном и сером месте. Мне на ум приходит непрошенное сравнение, что не берет ли погода города характеристику с его населения, но я тут же прогоняю бестолковые мысли прочь.

Вот, значит, где жила бабушка.

Или Серафимы не только заседают, но и проживают в Верховой Башни? Я никогда не спрашивала у нее о ее жизни здесь. О ее посту. О привилегиях и лишениях, что он дарует, но сейчас чувствую, что зря не проявляла к этому должный интерес.

Бабушка подходит к воротам и они медленно, с дрожью открываются, пропуская нас всех дальше. Я смотрю на это, словно маленький ребенок. Огромные ворота скрывают за

собой огромное здание. Оно все стеклянное – по крайней мере, я не вижу ни одной бетонной стены. Даже пики – стеклянные, уходят в небо. Но при этом стекло это, даже в отсутствии солнца, отражает любой свет.

Как не приглядывалась, я не смогла определить даже на меком, что происходит внутри. Стеклянные, но не прозрачные стены. Вроде бы так близко – но так чертовски далеко. Так открыто – но в то же время максимально сокрыто от чужих глаз.

Еще не войдя в Верховую Башню, она показалась мне сплошным лицемерием. При ее воздвижении явно руководствовались желанием создать вид обнародованного строения, у которого от бессмертных нет тайн, но на деле оно должно было быть замуровано сильнее гробницы фараона, чтобы ни одно лишнее слово не покинуло этих, с виду хрупких, стен.

Возле огромный дверей, ведущих внутрь, к нам выходит архангел. Я ни раз его уже видела. В первый раз – он был надменный и суровым. Второй – напуганным и ошеломленным. Сейчас же, он, кажется, впервые чувствовал себя в своей тарелке.

– Капитолий приветствует вас – он едва заметно поклонился нам всем, словно пускал не в башню, а в сам город.

– Архангел Фод, какие прогнозы?

Голос бабушки, как обычно, строг и надменен.

На шее и левом виске архангела тут же запульсировали

вздувшиеся вены от едва сдерживаемой злости, но ответил он послушно, и голос ни одной нотой не выдал неудовольствия.

– Они в напряженном ожидании, Серафим Аврора. Но в общем беспокойства по поводу Дарнордса не испытывают.

И этот без «е».

– Не испытывают?!

Бабушка мгновенно пришла в ярость.

– Самонадеянные индюки! Нет ничего хуже, чем недооценивать своего противника!

Архангел решил никак не комментировать столь высокопарное заявление и опустил глаза:

– Вас уже заждались.

Бабушка кивнула и Фод повел нас внутрь.

–3–

Я хотела держаться последней, но каким-то образом оказалась сразу за бабушкой. Она шагала уверенно, гордо вздернув подбородок и смотря перед собой. Я же на ее фоне выглядела каким-то маленьким ребенком. Я впервые попала в Верховую Башню и не могла скрыть своего восхищения по поводу ее архитектуры.

Повторной.

Первая, заключающаяся в лицемерии – черт с ней.

Но сейчас я словно зашла в портал. Верховая Башня и снаружи казалась немаленькой, но войдя внутрь, я поняла, что

это была лишь очередная иллюзия, и скорее всего достигнута она так же была благодаря стеклу, что съедает своим отражением местности истинные границы строения.

Так или иначе – башня оказалась намного больше.

Мы принялись петлять в коридорах, и в каждом из них было такое гробовое молчание, что слышались «цок-цок-цок» бабушкиных каблуков. Мягкая поступь ботинок мальчиков, мои шаги, будто бы не в состоянии взять верный ритм – они единственные слышались не ровным тактом, а какой-то растерянной свистопляской.

Потому что на каждом шагу я оглядывалась, пытаюсь запомнить каждое помещение, каждый пройденный коридор. Все они были выполнены в спокойных тонах – но редко где был явственно выделен цвет. Я словно попала в комнату кри-вых зеркал – здесь стены, потолок и даже пол так же лишь отображали, но имели некоторые оттенки, отчего не казалось, будто ты идешь по зеркалам.

Было ощущение, что ступаешь по идеально выложенному матовому стеклу.

Из-за него и было такое огромное эхо.

Все время, что Фод вел нас к определенному кабинету, несколько раз поднявшись выше, мы не встретили ни одного бессмертного. Неужели вся эта огромная башня была воздвигнута лишь для парочки избранных, под руководством Финубуса управляющих Поднебесьем?

Фод передвигался единственный из нас таким образом,

что его шаги ускользали от эха. Я слегка обогнала бабушку, но она не обратила на это никакого внимания, и встала рядом с архангелом.

– Архангел Фод?

– Да?

Он, не замедляя шага и не оборачиваясь, ответил сухо и кратко. Он был не настроен на разговор, а быть может это место просто сказалось на нем так же и чересчур повлияло на оценку собственной значимости.

– Какое сейчас настроение в городе? Ну.. в общем.

Ведь то, что сейчас есть в столице, очень скоро распространится на все Поднебесье. Ведь именно столица первой доподлинно узнает о всех делах. По крайней мере, на земле все было устроено именно так.

– В Капитолии сейчас не лучшее время. Все напряжены и взвинчены. Жена заколачивает окна и отказывается выходить на улицу. Она слышать даже не хочет о том, что происходит за стенами дома.

Надо же.

Что так озадачило бессмертных?

Убийство Сатаны, в принципе начавшаяся вражда двух сторон или все-таки возвращение Дарнордеса? Если последнее – то почему Фод заявлял, что Верховую Башню тогда его возвращение совершенно не тяготит?

Наконец, архангел остановился перед огромными дверями. Пока они были единственные не из стекла, не отобража-

ющие, и не выглядящие хрупкими.

Напротив.

Казались чересчур массивными. Высотой как четыре меня, шириной как все десять. Темные, с какими-то огромными камнями – но что-то мне подсказывало, что камни эти здесь не для украшения.

В какой-то момент я решила, что их не открыть и вчетвером, но вот Фод потянул за ручку и двери медленно, со скрипом, поддались.

Бабушка зашла первой, я поспешила сразу за ней.

Это было огромное помещение.

Изнутри, в отличии от наружи, стекло прекрасно все показывало. Никаких бликов, отображения. Мы видели все, что там происходит, словно под биноклем – и судя по виду, были на самом верху башню.

Какая ирония – на верху Верховой Башни.

Кабинет был максимально не отягощен какими-то предметами. Пустое пространство – и лишь в центре огромный стеклянный стол. Но ножки его отчетливо выделялись своим золотым цветом, словно что-то сюрреалистичное.

За столом на приличном возвышении сидели полукругом четыре Верховных Серафима.

В одном из них я узнала Советника Капитолия, который прилетал за нами. Он не стал даже пытаться нас ждать – и прибыл гораздо раньше. Может, в этом и была суть?

Все четверо смотрели на нас сверху вниз, не скрывая за-

носчивого пренебрежения. Мы были в их глазах пешками, к которым они не испытывали ни уважения, ни подлинного интереса.

Все, кроме одной.

Тот, что сидел посередине, склонил голову при виде бабушки, приветствуя ее.

– Вот и пятый Верховный Серафим.

Он так же был чрезмерно «выбелен». Неестественно белые волосы, неестественно белые глаза и совершенно непонятная бледная кожа. Словно умер, но воскрес и пришел править. Оглядев всех четверых, я поняла, что это – их общее характерное сходство.

Бледные, словно трупы. Надменные, словно боги.

Может, здесь, для Капитолия, они и есть боги?

У бабушки в заметках было написано, что выше главных пяти Серафимов – только Создатель.

А поскольку он никому не является в телесной оболочке, не мудрено, что эти четверо (пятеро?) рано или поздно возмнили себя причастными к сотворенной Создателем жизни, а всех его «детей» – своими, позабыв, что сами являются одними из них.

Рядом с тем, кто поприветствовал бабушку, на помосте сидела белая ворона. Она молчала, но ее огромные глаза изучали нас, будто детектор лжи. Один палец этого Серафима едва заметно касался перьев вороны, поглаживая, словно домашнего питомца.

– Мне казалось, вы негласно сдвинули меня с этой позиции – заметила бабушка.

– Ты оступилась.

– Это были козни Дарнордса!

– И тем не менее. Факт остается фактом. Тебе нужно заслужить прежнее уважение.

Бабушка недовольно скривилась.

– Уже на пути к этому.

– Рад слышать.

Его голова плавно повернулась к нам, пряди длинных белых волос упали на плечи, золотые броши вокруг шеи принялись мерцать.

– Атиль, Лито, Катус.. – со скучающим пафосом протянул он – мы слышаны о том, что произошло накануне. Предательство бывшего Престола Калиго, освобождение Дарнордеса, смерть Сатаны.. Все вы так или иначе замешаны в этом.

Я не ожидала, что первым из нас подаст голос Лито.

Он нахмурился и выступил вперед.

– Я ничего не знал о том, что планирует отец!

Серафим лениво перевел взгляд на свою ворону, словно спрашивая ответа, но та промолчала.

– Дети и родители зачастую друг для друга самые чужие.

О чем он?

– Что же насчет ритуала? Катус и Нулевая – как же так вышло?

Я тут же подала голос:

– «Родственник женского пола – серафима, что родился на земле, и родственник мужского пола – демона, что ни разу на землю не ступал» – таковы были его основы. Так сказал Калиго.

– Хотите сказать, это было недобровольно?

В голове неволей возобновились истошные крики Норда, порезанные запястья Катуса, обезумевшего Калиго, полыхающего дерева..

Я тряхнула головой, пытаюсь физически их оттуда выбросить.

– Нисколько!

Его взгляд вновь обратился на белую ворону, но та вновь промолчала. Кажется, я поняла – она и правда была что-то вроде детектора лжи Верховой Башни. И если пока нам верили – значит, молчание, означало Правду.

– Но Сатана был явно причастен к появлению Дарнордеса. Не поверю, что его единственный сын не знал об этом.

– Не знал.

Ворона продолжала молчать, не фокусируя взгляд ни на чем конкретном. Катус ухмыльнулся Серафиму и добавил:

– Если бы отец был связан с Дарнордесом, он бы сказал мне об этом.

И тут ворона вдруг расправила свои белоснежные крылья, взлетела на плечо своему хозяину и широко раскрыла глотку, чтобы оттуда вырвалось громогласное «КА-А-А-Р».

Серафим тихо рассмеялся, мягко положил ладонь на го-

лову птице и та тут же умокла. Катус почему-то очень сильно разозлился.

– Не злись, демон. Трехглазый ворон не врет, а родители делают это сплошь и рядом.

Я вновь глянула на птицу.

У нее не было никакого лишнего глаза. Или быть может, речь шла о глазе фигуральном?

– Отец мертв – он сделал еще шаг вперед, ходя по опасной черте допустимой границы – кто теперь будет править Адом?

– Мы в скором времени решим этот вопрос – кивнул Советник Капитолия и глаза Катуса загорелись красным. Он сжал руки в кулаки, мгновенно выйдя из себя.

– Нечего тут решать. Я – сын Сатаны. Отец мертв. Ад по праву принадлежит мне!

– Об этом не может быть и речи.

Слово вновь взял Хозяин Ворона, центральный Серафим, и, как я поняла, Главный Советник Капитолия.

– Нового Сатану изберет совет, после чего Финубус должен будет одобрить кандидатуру.

– Ад – мой!

– Ад принадлежит Финубусу. Как и все в этом мире.

– Финубус хоть раз ступал на нашу территорию?!

На лице Главного Советника впервые проступила какая-то эмоция. Он широко раскрыл глаза от удивления, словно Катус заявил, что у того за спиной черные крылья и рога из головы торчат.

– Он – Создатель..

Я наблюдала за их перепалкой. Катус был уже на последней ступени своего гнева, смешанного с отчаянием. Никто из остальных Серафимов не вступал в их болтовню с Главным Советником. Бабушка так же игнорировала открытую несправедливость, а Лито, кажется, был слишком погружен в ранее озвученное мнение властями о предательстве «бывшего Престола Калиго», чтобы что-то слышать.

– Катус лучше всех знает дела Ада – вступилась я, пытаюсь держаться скромно и не нарываясь – он сын бывшего Правителя. Его примут демоны.

Несмотря на мое почтение и едва ли не повинность, с которой я говорила – это стало последней каплей в чаше великодушия Главного Советника.

– Довольно!

Он стукнул кулаком по столу и голос его, до селе тягучий и мелодичный, прогремел по всему залу:

– Ты никогда не займешь пост Сатаны! Ты полон спеси и высокомерия! У тебя нет никакого уважения к тем, кто выше тебя! В тебя нет смирения.

Так вот, что им нужно.

Податливость и покорность?

Словно подумав о том же самом, Катус яростно усмехнулся:

– Ясно, сразу бы сказали, что вам нужна марионетка. Лошадь с поводьями.

– Нам нужен тот, на кого мы можем положиться и кому можем довериться – вмешался Советник Капитолия.

– Кстати – отмахнулся их лидер – по поводу доверия.

Я ожидала услышать очередное обвинение в каком-то предательстве кого-то из нас, но Серафимы лишь склонились друг к другу и зашептались, не подзывая при этом к себе бабушку. Она же усердно делала вид, что не замечает этого факта.

Договорив, Главный Советник вновь откинулся на спинку высокого стула и глянул на меня.

– Атиль пользуется дурной славой. Так или иначе, она и до этого была неоднократно связана с Дарнордесом. Вместо того, чтобы пресекать идеи Дарнордеса, она их поощряла.

На мгновение я растерялась, даже не зная, как максимально кратко объяснить им, почему это вообще имело место быть.

– Это было до..

Но он и не собирался меня слушать.

– Ты должна удалиться, чтобы дать нам обсудить еще несколько вопросов.

Так вот, о какой доверии шла речь.

Вот тот, кому они не доверяют.

Я.

Никого, кроме меня, не выгоняют из зала. Я одна должна покинуть его, потому что из-за парочки брошенных на эмоциях речей о Дарнордесе в стенах школы, они теперь дума-

ют, что я его последовательница?

Где их логика?!

Будь я таковой – то была бы сейчас среди его армии, а не стояла бы у них на поклоне.

Я повернулась к бабушке за защитой моей чести.

– Вы считаете ее причастной к этому чудовищу? – процедила она Главному Советнику.

– Возможно, она романтизировала идеи Дарнордеса и он имеет некоторое влияние на нее. Мы не можем рисковать.

Бабушка решительно сложила руки на груди.

– Я беру ответственность на себя.

Надо же, я и не думала, что она впрямь станет так самоотверженно защищать мою репутацию.

– Мы слышали, ты провозгласила себя директором школы, а директор школы не имеет таких полномочий и не может взять ответственность, которая ему не по силам.

– Так значит, я все-таки больше не вхожу в совет?

– Доверие, Аврора. Вам с внучкой нужно его заслужить.

Верхняя губа бабушки затряслась, словно в этот момент она испытывала к ним лютое отвращение. Она считала себя умнее их, но сейчас власть оказалась в их руках, покуда свою она растеряла.

Но она не собиралась сдаваться.

Я видела это в ее лице.

Она не намеревалась оставлять положение вещей таким.

Однако сейчас, не глядя в мою сторону, холодно бросила:

– Ты слышала Советников. Нам нужно обсудить пару вопросов. Уходи.

Одна. Даже Катуса оставили.

Но опустив взгляд, я покорно кивнула и подчинилась бабушке, выйдя за дверь, однако на выходе не смогла удержаться от соблазна и грохнула ими как следует, после чего воскликнула, будто бы сама не ожидала такого удара.

Ну конечно.

Теперь, без Фода и них, в коридоре повисла совершенная тишина. И спустя пару секунд я услышала неразличимое бормотание. Едва ли эти двери могли что-то пропускать..

И тогда я поняла, что звук идет из замочной скважины.

У таких огромных дверей и скважина была не такая маленькая, как в обычных. А гробовая тишина позволила различить мне шум рассеянных голосов Советников, которые что-то активно начали обсуждать, едва я покинула зал.

Что-то, связанное со мной, но чего знать я пока не заслужила доверием.

Я приложила к ней ухом, чтобы не пропустить не единого брошенного слова, и как раз попала на голос Главного Советника:

– Аврора, твоя внучка в курсе что с ней сделал ритуал?

-4-

Я затаила дыхание, чтобы выходящий воздух не приглу-

шал слова, и так сильно прижалась ухом к скважине, что уверена, у меня от нее еще останутся следы.

– Нет.

– Вы о чем? – изумленный голос Катуса.

– Есть рубцы на энергии, которые могут нащупать лишь Верховные Серафимы, приближенные к Финубусу.

О чем они?

Я не понимаю не единого слова, словно они болтают на незнакомом языке. Теперь я услышала и обвинительный возглас Лито:

– Ритуал чуть не убил ее!

– Почему тогда на мне нет рубца? – опять Катус.

– Я почувствовал этот рубец сразу, как она вошла – мелодичный голос Главного Советника – наша энергия, как сосуд. Иногда почти пуст, иногда – полон до краев.

(ты – как сосуд. все зависит от того – наполнят тебя или нет. и чем наполнят..)

– Рядом с огромной силой сосуд как бы наполняется ею и может лопнуть. От этого бессмертный может умереть, а может выжить – как она. Тогда сосуд заживает, но остается рубец, как напоминание, что сила бессмертного взята у кого-то иного.

Смешок Главного Советника.

– О, ее рубец чувствуется издалека.

Сила взята у кого-то иного?

Что за бред, я не у кого не брала силы! Пытаясь разобрать-

ся все лучше, я все сильнее завязала в непонимании. Зря они меня выгоняли – я бы все равно ни черта не поняла, даже находясь там.

Голос Катуса. Больше не удивленный – скорее озадаченный.

– На мне рубца нет. Почему только на ней?

– Я не знаю. Похоже, энергия выборочно прошла только через нее.

Чья энергия?

(крылья – ваша внешняя сила, энергия – сила внутренняя, куда более могущественная)

– Что вы этим хотите сказать? – голос бабушки.

– Она убила самого Сатану.

Главный Советник словно нарочно растягивал слова еще сильнее, смакуя каждое из них. Уверена, в это время он пристально наблюдал за бабушкиной реакцией.

– Откуда такая сила? Думаешь, обычный Нулевой способен на такое, пусть даже волей случая?

Молчание.

Будто оттягивали неизбежный вердикт.

– Я думаю, Дарнордес, случайно или нет, передал ей во время ритуала часть своей силы.

– Как это возможно?

– Они были сгустками энергии во время проведения ритуала, сосудами, способными переливать друг в друга свои силы.

– Атиль должна была погибнуть после такого – голос Лито – отторгнуть эту силу, как инородное тело. Сила Дарнордса слишком велика, чтобы суметь подчинить ее себе.

Молчание.

После чего голос Катуса, но я не могла понять, какая именно эмоция сквозит в нем:

– Но она это сделала.

-5-

Сердце бьется так бешено, как еще никогда раньше.

Я была уверена, что моя ярость и гнев пробудили какую-то внутреннюю, таящуюся силу, и потому я смогла убить Сатану. Но выходит, во время ритуала, я забрала (или он передал?) часть сил Дарнордеса.

Дарнордеса!

Монстра, способного уничтожать своей силой миры – как говорил Роленд.

И теперь часть этой огромной силы – во мне?

(зависит от того, наполнят тебя или нет. и чем наполнят..)

Но почему они хотят скрыть это от меня?

Между тем, за дверью все еще продолжали сменять друг друга голоса.

– Аврора, докладывай нам о малейших изменениях внучки – Главный Советник.

– Докладывать?

Я слышу презрение в ее голосе.

– Ну ты же хочешь вернуть доверие?

Молчание, после чего непонятное:

– Попрошу.

И шаги в сторону двери.

Я резко отпрянула, чтобы они не поняли, что я могла что-то услышать.

Я скрестила руки на груди, не зная, как на это реагировать.

Мало того, что они решили утаить такое от меня, так они еще и поставили меня на контроль, как какое-то подопытное животное!

Неужели никто не скажет мне об этом?

Ладно, бабушка. Она одержима карьерой.

Но Лито?

Катус..? Неужели он промолчит?

Уверена, он выйдет и попросит отойти меня на пару слов, якобы по какой-нибудь ерунде, а может они с Лито и оба расскажут мне все, что слышали. Не может же быть, чтобы они поощряли подобное обращение со мной.

Но вот дверь открылась и Лито с Катусом вышли наружу, озадаченно понутив головы.

– Где бабушка?

– Ее попросили задержаться на пару минут – отозвался ангел.

Я молча стояла, глядя на них.

Ну же.

Если не можете словом – покажите хоть жестом, что при первом удобном случае хотите что-то рассказать. Хотя бы изумленным взглядом, хоть как-то.

Но Лито быстро отвел от меня глаза, а Катус их даже не поднял.

Они приняли решение.

И оно было не в мою пользу.

Бабушка вышла спустя десять минут. Раздраженная, сбивая с толку. Не глядя на нас, она быстрым шагом направилась к выходу. Мы молча пошли за ней, покорно следуя по коридорам и незнакомым помещениям, через которые надо было пройти вновь, чтобы выйти из этого стеклянного лабиринта Минотавра.

У дверей нас никто не ждал, и ворота мы покинули лишь своей компанией.

Завидев нас, Нитры тут же оживились и принялись расправлять свои золотые крылья.

Бабушка хотела уже начать забираться на свою, но остановилась, и задумчиво уставилась в сторону города, откуда все еще доносился гул «мегаполиса», как сказали бы на земле.

Подумав, она кивнула нам в направлении Капитолия:

– Пройдемся.

Бабушка повела нас в самый центр Капитолия.

И лучше бы она этого не делала.

Со стороны Верховой Башни столица казалась гудящей, пасмурной и вечно дождливой, но в целом ничего особенного. Ничего особенного-плохого, и ничего особенного-хорошего. Но теперь, когда мы шли по вымощенным мокрым центральным улицам Капитолия, я не могла понять, как тут в принципе кто-то живет.

У кого хватило безумия или мазохизма здесь добровольно поселиться?

Гул превратился в постоянные крики отовсюду, я никак не могла отделаться от запаха мокрых крыльев, что исходил от каждого без разбору. Бессмертные носились туда-сюда, неизменная держа в руках оружие и еду. Никто не поднимал глаз.

Все едва ли не топтались друг по другу.

Словно роботы.

Серые, безликие роботы, которые запрограммированы на определенные действия, что выпадают им на день, после чего возвращаются вечером домой, чтобы подзарядиться и с утра пойти по новой.

От безликости жителей – свое лицо потерял и Капитолий.

Может, здесь постоянно шел дождь оттого, что сама природа оплакивала Столицу?

Лито глядел по сторонам, после чего приглушенно пробормотал:

– Давно здесь не был.

Катус же, взвинченный отказом в посту Сатаны, не считал нужным растрачиваться на тактичность:

– Место отбросов. Опочивальня ангелов.

Я бы промолчала, но тот факт, что я вступилась за него перед Главным Советником, а он не пожелал даже рассказать то, что касается меня напрямую, сильно уязвил и я бросила через плечо, даже не повернув к нему головы:

– Капитолий нейтральная сторона, ты знаешь. Здесь живут и ангелы, и демоны. Так что это..

Я развела руками по сторонам.

– «Вклад» обеих сторон – согласилась со мной бабушка, глянув как-то иначе.

Кажется, она одобряла то, что я больше не пыталась обвинить ангелов во всех смертных грехах.

Знала бы она, что за этим сейчас стояло лишь желание раздраконить посильнее Катуса, но он все равно промолчал.

Дождь продолжал моросить, под ногами смешиваясь с грязью и превращаясь в какой-то отвратительный ручей.

Армия ангелов стройной шеренгой прошла мимо нас через пару кварталов. Я удивленно проследила за ними, после чего повернулась к бабушке:

– Капитолий уже готовится к войне?

– Они готовятся лишь к защите столице.

Катус вскинул брови.

– А как же Ад и школа?

– Для них главное – отстоять столицу. Здесь находятся все главные умы Поднебесья. Совет отказался хоть как-то поддерживать школу. Они обвинили меня в том, что я допустила все это.

Она горько улыбнулась, будто была согласна с обвинениями и зла на себя не меньше, чем они.

– Учеников школы не собираются принимать в Капитолий. В Ад демонов не пускают, так как его сейчас проверяют. Нас незаметно прижали и закрыли в стенах школы. Мы в западне и пока отрезаны от остального Поднебесья.

Я подпрыгнула от того, как Катус неожиданно треснул кулаком по балке, и та с грохотом раскололась.

– Заносчивые ублюдки!

Пара столичных жителей опасливо обернулась на нас.

– Успокойся – процедил Лито, но демон не обратил на него никакого внимания.

Он схватил бабушку за руку и притянул к себе, заставляя посмотреть на него:

– Эти мрази забирают Ад – мой дом! И при этом даже не собираются его защищать! Кто вы, ангелы, как не трусы и эгоисты?!

Его глаза пылали красным.

Но бабушка и не попыталась вырваться из его объятий. Она лишь сильнее закинула голову наверх, чтобы уменьшить расстояние, возникшее из-за их роста, и процедила, не отводя от него глаз:

– Кто вы, демоны, как не шавки, которыми управляли и которых так легко припугнуть?

Ее слова окончательно взбесили Катус. Он схватил бабушку за горло и прижал к стене. Демон не сдавливал ей трахею, но как бы тем самым фиксировал унижительное положение. Лито, озабоченно оглядываясь, попытался оторвать его – но Катус лишь с размаху откинул ангела, будто какую-то картонку.

– Катус! – я трижды ударила его по спине.

Ему плевать.

Не уверена, что он даже почувствовал эти удары.

Что самое странное – бабушка лишь продолжала смерять его небрежным взглядом, не выказывая никакого сопротивления. Наконец, он сам отпустил ее и отшагнул.

Она лишь невозмутимо поправила свою одежду.

– Сейчас время разочарований, Катус. Во мне, в Верховой Башни.. – она глянула на Лито – в Калиго.

– Разочарований? – я вскинула брови – серьезно? Ты столько страданий принесла Калиго, и какого-то черта продолжала быть в нем так уверена?

– Я была в нем уверена, потому что считала его хорошим бессмертным.

– Хорошим?

Теперь изумился даже Лито.

– Да он вас искренне ненавидел и никогда этого не скрывал.

– Ненависть – бабушка рассмеялась – где есть она, там всегда есть любовь. Но его поступок – это не ненависть.

Ее лицо вновь стало жестким.

– Это слабость. Терпеть не могу слабых мужчин. Какое унижение. В свое время он первым оценил меня по достоинству.

Бабушка замолчала, словно не уверенная в уместности своего рассказа, но все-таки продолжила:

– Я тогда только поступила в школу. В то время, к Нулевым относились еще более пренебрежительно, чем сейчас. Позже мне удалось доказать, что люди ничем не уступают бессмертным, но тогда я только начинала свой путь борьбы.

– Это было мое первое занятие на земле. Тогда Нулевым еще не было запрещено пользоваться водоворотом до определения. Я должна была уговорить женщину остаться в семье. С мужем у них давно были разные жизни, и связывал их лишь ребенок. Они постоянно ругались, но я видела в глазах дитя страх пред уходом его матери.

Она вздохнула.

– И все же я решила, что от такой жизни никому не будет счастья. Я сделала так, чтобы женщина покинула семью. Никто не понял меня – сказали, что я провалила задание. Все сделала неверно. Поступила жестоко. Я сильно расстроилась, и сидела по дворе школы, надеясь найти уединение, дабы не показывать свою слабость публично. У Престола Калиго тогда вскоре должен был поступить в эту школу сын,

потому он часто был там по каким-то делам. И оказался в тот день в том же дворе. Он был в курсе о моем задании – об этом гудела школа. Тотальный провал – вот как они это называли. Задание считалось простым – а я после него.. безнадежной. Заметив меня в таком состоянии, он не стал спешно покидать двор, а наоборот, подошел ко мне.

« ..Калиго склонил голову.

– Я слышал о задании.

– И что же? – Аврора убрала прядь волос за ухо – Как ангел, вы не можете поддержать мой поступок.

– Я слышал об одной выскочке-Нулевой, которая возомнила, что может соперничать с бессмертными. Меня восхитило это. Я сразу подумал – она станет ангелом.

– Почему ангелом?

– Только будучи ангелом можно добиться настоящих высот. В наших руках реальная власть. Знаешь, в чем разница между ангелами и демонами?

– В том, какую сторону они принимают?

– Демоны думают эмоциями, мы – головой. Голова хладнокровна, а значит справедлива. Иногда ангелы кажутся жестокими – но это не так. Жестокость – это всегда эмоция. Это не про нас. Вы были бы жестоки, если бы не сделали то, что сделали на своем задании. Я буду следить за вашими успехами.

Он поднялся, чуть поклонился Авроре, и ушел..»

– Калиго был первым бессмертным, кто обратился ко мне

с уважением. Еще и в таком высоком статусе. Престол поклонился ученику. И не просто ученику – Нулевой. Немыслимо.

Она сделала паузу.

– Его слова в тот день стали роковыми для меня. Они стали основой моих взглядов.

Впервые взгляд бабушки перестал быть надменными. Он будто застекленел – она смотрела куда-то вперед, и говорила скорее себе, чем нам:

– Я думала, несмотря на свою обиду, он не отступится от своих слов. Не будет жестоким. Я думала, мы всегда будем смотреть на мир одними глазами, даже ненавидя друг друга. Но это оказалось не так.

Лито перебил ее, видимо, не желая больше слушать ее рассуждений, воспоминаний и историй:

– Я уверен, отец думает, что поступил правильно. Ради общего блага.

Но мы с Катусом вчера слышали истинное объяснение мотивов от самого Калиго. Однако, я промолчала.

А вот Катус громко рассмеялся.

– Твой отец – больной ублюдок, который затеял это для того, чтобы отмыться от унижения перед женщиной, что его отвергла. Он сделал это только для своей власти.

– Заткнись!

Ангел вцепился в плечи демона, и они едва не повалились на грязную землю.

– Ты бесишься, потому что знаешь, что это правда!

– Хватит! – бабушка ловко расцепила их, раздраженно смерив взглядами – ведете себя, как маленькие честолюбивые мальчишки! Думаете, я для этого вас сюда позвала? Что бы вы решали свои смехотворные разногласия?

– А для чего тогда? – фыркнула я.

Пока она только и делала, что либо драконила Катуса, либо рассказами о Калиго доводила до белого каления Лито. А в итоге они, оба застигнутые за белой ручкой, накинулись друг на друга.

– Для того, чтобы снять с вас розовые очки. Оглянитесь! Посмотрите на свой Капитолий. Вы должны быть готовы к войне и отдавать себе отчет, что никакая поддержка свыше к нам не придет.

Ее губы сжались, она повернулась ко мне.

– Но ты права, нам уже по..

Вновь яркая вспышка света.

«.. Дарнордес стоял за столом, забитым картами, какими-то планами, маршрутами.

На некоторых, словно на извращенной шахматной доске, стояли фигурки демонов и ангелов. На других листах какие-то пути были помечены толстой красной линией – выделяя их среди прочих по той или иной причине.

Определенная траектория.

Перед Дарнордесом замерли три демона, словно три неподвижные тени, послушно ожидающие приказаний.

Усмешка скользнула на губах Дарнордеса, но тут же исчезла, словно он наглядно хотел продемонстрировать свое настроение собеседнику.

– Меня интересует только одно. Победа. И есть только две вещи, которые меня к ней приведут. Что нового ты можешь мне предложить?

Но никто из демонов не шевельнулся.

Потому что он обращался не к ним.

Из тени угла вышла блеклая фигура, но в свете свечи было хорошо различимо лицо Калиго. На нем больше не больше никаких белых тряпок – какой-то серый балахон, покрывавший все тело.

– Нужно отрезать провизию к школе.

– К чему эта школа? Мне нужен Капитолий.

– Щенок мал, но даже он может перегрызть глотку, если будет очень зол и хитер. Лучше пусть ослабнет настолько, что не сможет кусать.

Одна сторона губ Дарнордеса вновь поползла вверх, делая его лицо злобно-насмешливым, но при этом пронзительным. Эта улыбка как бы говорила: «Я знаю твои мотивы, старик. Я все понимаю».

– Мне нравится твоя ярость, Калиго. Ты со мной, пока она – двигатель, а не слепая помеха.

Калиго склонил голову.

– Я знаю.

Дарнордес вновь принялся рассматривать карты перед со-

бой. Прошло какое-то время, прежде, чем он, не поднимая головы, отдал холодный, короткий приказ:

– Отрезать провизию.»

-7-

Видимо, на этот раз я хуже справилась с координацией, или видение было длительнее.

Это я понимаю, когда открываю глаза, оказавшись на руках у Катуса. Он не держит меня, словно пресловутую невесту – одна колено его уперлось в грязную дорогу Капитолия, второе согнутое и удерживает тяжесть наших обоих тел.

Такое чувство, что он просто схватил меня на лету и так и замер в этой позе.

Выражение его лица растерянное, даже отчасти испуганное. Едва я открываю глаза, как он облегченно выдыхает.

– Все нормально?

– Вроде.

Я осторожно приподнимаюсь на локтях, не отказываясь от его помощи в этом действии, после чего оглядываю замерших в такой же озадаченной позе бабушку и Лито.

Вновь взгляд на Катуса.

– Ты упала в обморок – он осторожно убрал прядь выбившихся у меня волос за ухо.

Но я продолжала молчать.

«Отрезать провизию».

Передо мной пока был слишком свеж образ Дарнордеса, чтобы видеть что-то помимо этого.

И слишком громко слышен его приказ.

Но был ли он в самом деле?

– Что с тобой? – Катус на мгновение вновь обеспокоенно смотрит на меня, после чего привычная усмешка касается его губ – или ты просто решила полежать у меня на коленях?

Я закатываю глаза и поспешно встаю на ноги.

Однако, бабушка продолжает пристально за мной наблюдать, и вскоре с ее губ срывается неизбежный вопрос:

– В чем дело?

Я замираю.

Проблема в том, что я не уверена в том, что видела.

Катус этого не видит. А в остальном доверять своему сознанию.. не оно ли десять раз лишь за минувшую ночь заставляло меня вскакивать с постели и, с криком, падать на пол, когда я отчетливо слышала взрывы?

Не оно ли имитировало эти взрывы?

Их не было на самом деле.

Не было взрывов, не было криков, когда я уже была в чужой комнате – но я продолжала их слышать. Потому что сознание угодливо генерировало эти звуки.

Что, если то, что я видела утром и сейчас – тоже всего лишь генерация фрагментов?

Одежда Дарнордеса вполне объяснима – на меня произвело ошеломляющий эффект, что его крылья оказались крас-

ного цвета, а не допустимого черного или белого -потому мое сознание дополнило его образ еще одним атрибутом этого цвета. Штаны.

Черный плащ вполне объясним моим представлением о его нынешней демонической натуре. Физическая сила, демонстрируемая в очертании оголенных рук – скорее всего, просто проекция тактильных ощущений, ведь я не раз касалась их у Норда.

Я не могу быть уверена, что увиденное мной – не галлюцинация.

А если я скажу о ней, а выяснится обратное – меня больше не допустят ни до одного серьезного дела. Да и бабушка тут же стуканет Верховой Башни о том, что мне мерещится Дарнордес –и тогда меня точно упекут куда подальше.

Их пугает, что я получила часть его силы – это я уже поняла.

Один неверный шаг, одно неверное слово – и меня скрутят, дабы я даже в теории не могла представлять опасности.

Я внимательно всмотрелась в бабушку.

Быть может, если бы кто-то из них, хотя бы один, сказал мне о том разговоре за закрытыми дверями.. но нет. Они молчат, потому что не могут довериться мне.

Тогда какие основания есть у меня, чтобы довериться им?

Пока я не пойму, что это – не скажу никому.

Потому лишь жму плечами в ответ на ее вопрос:

– Все нормально. Просто дурно стало, я всю ночь не спа-

ла.. видимо, дает свои плоды.

Бабушка подозрительно сощурилась, оглядела меня.

– Ты уверена?

– Да. Абсолютно.

Ложь частенько очень просто срывалась с моих губ. Но никогда раньше она еще не звучала так убедительно.

Я увидела в бабушкиных глазах веру, а значит, маневр получился более, чем искусным.

Однако, глянув на Катуса, поняла, что его провести не удалось.

Он видел, какая я возвращалась в мир после видений.

Даже если он не понял, что конкретно я увидела, то точно не поверил в то, что это был обычный обморок.

Он почувствовал ложь.

Но промолчал.

Вернувшись к воротам Верховой Башни, мы оседлали Нитр и взмыли в небо.

-8-

Бабушка приземлилась самой первой. Спрыгнув со своей Нитры, она хлопнула существо два раза по ноге и то взлетело в небо, куда-то направившись.

– Куда оно? – спросила я у бабушки, но та уже сделала слишком много шагов в сторону школы. Либо не услышала меня, либо не посчитала нужным оборачиваться и отвечать

на столь неважный вопрос.

Однако, так же сделав со своей Нитрой, Лито устало объяснил:

– Этот жест позволяет им вернуться обратно в свой дом. Для этих четырех Нитр, их дом – Верховая Башня. Или Капитолий. Не знаю точно, у кого именно твоя бабушка их позаимствовала.

Катус так же слез с Нитры, и хлопнул ее дважды по ноге. Жест получился каким-то механическим. После чего его глаза, не задерживаясь ни на чем конкретно, прошлись по моему телу.

Наши взгляды пересеклись.

И на мгновение я поняла, что даже желаю, чтобы он захотел сейчас отвести меня в сторону и выяснить отношения. Спросить, какого черта это было, и почему я солгала не только этим двоим, но и ему. Тогда бы я смогла плюнуть ему в лицо тем, что он первый соврал мне. И не о чем-то там – а о том, что касается только меня!

Может, он нашел бы какое-то достойное оправдание. А может, просто признал бы свою вину – и мне бы этого хватило. Я бы рассказала о том, что видела – уверенная, что от него мне не ждать беды.

Мы бы стали ближе.

Я бы знала, что во всей школе у меня, по крайней мере, есть хотя бы один бессмертный, кому я беспрекословно могу доверять. С кем могу делиться любой дичью, что увижу,

услышу или чего испугаюсь.

Я нуждалась в таком.

Но вот он неуверенно сделал шаг назад, потом еще один.. после чего развернулся и стремительно ушел в школу.

На мгновение я даже дернулась, готовая побежать за ним и самой стать тем первым, кто затеет выяснение отношений. И, наверное, побежала бы – если бы не увидела знакомый силуэт в стороне.

Силуэт, глядящий на меня в ожидании, пока я подойду.

– Асми?

Я ринулась к ней едва ли не трусцой, после чего сжала в объятиях, словно мы не виделись сто лет, а не этим же утром.

– Тебя отпустили раньше?

– Как видишь – улыбнулась она и крутанулась в каких-то новых шмотках – нашла в одной из пустых комнат. Те, что дали мне в мед крыле – просто мрак.

Она усмехнулась, но взгляд ее был серьезен.

– Как все прошло?

(дарнордес, нарочно или нет, передал ей часть своей силы)
(у атиль дурная слава)

(ты слышала, что сказал советник, подожди за дверью)

Я криво улыбнулась.

– Я бы сказала.. натянута слегка. Кажется, они оказались не в восторге от меня..

(ты никогда не займешь пост сатаны! Высокомерный, спесивый, не уважаешь тех, кто стоит выше тебя)

(предательство престола калиго, который оказался последователем дарнордеса)

(ты должна заслужить доверие, аврора.. они обвинили меня в том, что я допустила в школе)

..как, впрочем, и от всех остальных. Мы стали зваными гостями на незваном обеде.

Асми, ничего не поняв, кивнула головой.

Кажется, это был риторический вопрос, после которого она получала право задать свой. И демоница не заставила себя долго ждать – ее глаза устремились куда-то за горизонт.

Куда угодно, только не на меня.

– Я хочу пойти в тюрьму к отцу. Я уже говорила.

Она вдруг глянула на меня. Отчаянно, почти заискивающе:

– Ты можешь попросить Аврору, чтобы меня пустили к нему?

– Да.. – я замаялась – я пообещала что-то решить, но я думала речь идет о завтра.. и если честно, я не уверена, что бабушка разрешит, а она же теперь..

Ее глаза загорелись красным, а брови сошлись к переносице. Она воинственно взмахнула руками.

– Я все равно пойду к нему! Так и знай! Только из уважения к тебе хотела сделать все по правилам, но если нет – значит я их нарушу! Мне плевать! Там сидит мой отец – и он ни в чем не виноват. Я имею право с ним увидеться.

То, как разительно поменялась она в лице, да и все про-

изошедшее с утра, заставило меня рассмеяться без веской на то причины.

– Что смешного?

– Ничего – я мотнула головой – мило, что ты была о бабушке такого высокого мнения, но она бы никогда не разрешила его навестить. Значит, по правилам бы в любом случае не вышло.

– Значит, пойду без разрешения.

Я дернула плечом.

– Я с тобой.

Не знаю, чем был вызван мой порыв. Вполне возможно, просто после тяжелого дня было необходимо отвлечься на что-то, что меня напрямую не касается.

К тому же, я знала, где бабушка организовала пресловутую тюрьму, где сидел лишь один демон.

Асмодей.

Башня, которая раньше служила заточением (спасением) Норду, оказалась наполовину разрушенной, как и школа. А поскольку камеры находились на самом верху, то почти все из них стали непригодны, имея дыры в стенах тут и там. Достаточно внушительные, чтобы через них выбраться.

Но словно в насмехательство над Асмодеем, одна-единственная камера оказалась достаточно целой, чтобы туда кого-то заключить.

И именно к ней мы с Асми подошли, едва наступила ночь. Подруга рвалась отправиться туда сразу же, но мне удалось

убедить ее в целесообразности ночной вылазки, где попасться не так просто, как днем.

Когда бессмертных и так мало, а тех, кто бредет к башне – еще меньше.

Асмодей не выглядел удрученным, каким я ожидала его увидеть.

Он сидел на полу, облокотив локоть о колено, и насвистывал под нос какую-то мелодию, словно выбрался отдохнуть, а не оказался заложником ситуации.

Не знаю, как скоро он принял человеческий облик, взамен того, который я видела на войне и которой был ничем не лучше Сатаны – но теперь он вновь был в облике мужчины с волосами по плечи, которого я видела, пришедшим вместе с Владыкой Ада, Катусом и советником Астаротом на казнь Декстро.

Это было не так давно, но теперь кажется, что с того момента прошла целая вечность.

Не просто прошла.

Канула в бездну – и оттуда ее уже ничто не воротит.

– Папа!

Едва Асми видит отца, как тут же кидается к его камере и на мгновение мне кажется, что ее горячая привязанность к нему растопит металл в прутьях, но вот она прижимается к решетке, а Асмодей быстро встает и подходит к ней с противоположной стороны, сильно удивленный.

– Дьяволица, ты что здесь делаешь?

Я вижу, что в его удивлении и напускной строгости сквозит удовольствие. Он рад видеть дочь не меньше, чем она его, пусть и проникли мы сюда незаконно.

Но вот его взгляд заходит ей на спину.

На меня.

– Ты не одна.

Я рефлекторно опускаю голову.

– Здравствуйте.

Он ничего не отвечает.

– Зачем тебя здесь держат? Что они хотят с тобой сделать? – Асми вновь прижимается к прутьям.

– Не знаю – вновь взгляд на меня – надеюсь, твоя бабушка не будет рубить головы. Они могут ей еще понадобится.

Я и не задумывалась о том, что его могут казнить. Но теперь, когда Асмодей ткнул меня в это лицом – в горле пересохло. Асми обернулась на меня, словно я должна была как-то опровергнуть это, но как я могла опровергнуть то, в невозможности чего, учитывая бабушкин пыл, сама не была уверена?

– Она думает, что вы связаны с Дарнордесом..

Демон скривился так, словно его оскорбляла сама мысль об этом.

– Я служил Сатане. И не собираюсь подтирать зад только родившемуся сосунку.

– Хотите сказать, Сатана был не при чем?

В моем голосе не было и намека на сарказм. Я в самом де-

ле не знала, на чьей стороне правда, и просто пыталась всеми возможными образами разобраться хотя бы в том, что мне по силам.

– Он оказался лишь марионеткой, как и многие из нас. Дарнордес надавил на раны, и гной вылился наружу, потому что не мог не вылиться.

Слова вырываются из меня раньше, чем я успеваю заточить их во рту.

– Может, потому что рана в состоянии зажить, только когда очищена от гноя?

Я понимаю, что этого не следовало говорить.

Не знаю, что меня заставило. Я только привыкаю вести себя, как должно, а всякие абсурдные и скоротечные убеждения держать при себе.

Асмодей как-то странно глянул и прижался к решетке, не отнимая от меня сощуренного взгляда.

– Так вот что делает Дарнордес? Очищает?

– Нет – поспешно мотнула я головой – я имела ввиду не это..

И это правда.

Я сама не знаю, что я имела ввиду, но точно не поддержку монстру.

Но он расхохотался, не дав мне договорить, и смех этот, отраженный эхом от полуразрушенных стен вокруг, показался зловещим:

– Ждешь подвоха оттуда, откуда не ждешь.

– Я не это имела ввиду!

Ох черт.

Как же я влипла.

Конечно, стоит сыпать всякой необдуманной ерундой именно тогда, когда за мной пристально следит Верховая Башня в связи с тем, что во мне заточена часть силы Дар-нордеса.

Идеальный способ не выпячиваться.

Радует только то, что кроме нас троих здесь никого нет.

– Прекрати, папа – Асми нахмурилась и повторила – лучше скажи, когда тебя отпустят?

– Когда я смогу ему доверять.

Я вздрагиваю и подпрыгиваю на месте.

Нет, нас не трое.

Четверо.

-9-

– Бабушка?

Слова вылетают из меня глухим хрипом, будто мне дали под дых. Я не ожидала ее здесь увидеть – но еще более меня разоружает ее надменный вид и самодовольная улыбка. Они говорят о том, что она, в отличие от нас, вполне предвидела такой поворот. Знала наперед и ни капли не удивлена.

Да, она не Витаци.

При ней ничто не сходит с рук, и ни одно нарушение не

останется незамеченным даже в военное время.

Но едва она вышла в свет, за ней следом показались еще два силуэта. Нет, нас и не четверо.

Нас шестеро.

Целый цирковой оркестр посреди ночи в разрушенной башне-тюрьме, где лишь один заключенный.

Я не особо удивляюсь, увидев Селиту в одном из сопровождающих бабушку – но вид Джейка заставляет вскинуть брови.

С каких пор он стал ее правой рукой?

С тех, что защищал школу?

Меня это уязвляет. Как я не пытаюсь вести себя подобающе, а доверяет она в итоге больше какому-то другому Нулевому, но не своей внучке.

Или это из-за их разговора в Капитолии?

Неужели она тоже считает меня опасной?

Бабушка подошла к нам с Асми вплотную и тогда я заметила ее неестественно выпрямленную спину, напряженные плечи и нетерпеливый, будто нападающий взгляд.

– Что случилось?

Но вместо нее мне ответил Джейк. В его голосе появилась та же сталь и холодность, что в ее. Он быстро перенимал облик и поведение своего нового босса.

– На эту ходку меня назначили главным летчиком за провизией..

При слове «провизия» у меня уже появилось плохое пред-

чувствие.

– Мы летели по заданному маршруту. В какой-то момент на нас напали. Они явно знали, что мы будем там пролетать. Конечности немеют.

Значит, это была не галлюцинация.

Я правда видела разговор Калиго и Дарнордеса. Но вряд ли это можно назвать видением? Видение неопределенное, пытающееся подсказать, загадочное.. А здесь все было черным по белому.

Я словно заглянула за кулисы.. или в замочную скважину. Но как?

– В школе завелась крыса, которая докладывает все Дарнордесу. Иначе объяснить, откуда они знали маршрут, я не могу – голос бабушки строг.

Но я с облегчением понимаю, что он не обвиняет. По крайней мере, меня.

– Голод нас не убьет. Но если Дарнордес захочет напасть на нас.. – я вздрагиваю от голоса позади.

Я и забыла, что Асмодей за решеткой тоже все слышит.

– Мы не сможем защититься! – кивает Селита.

– Я постараюсь продумать такой маршрут, чтобы они нас не вычислили. А пока..

Бабушка запустила руку в карман своего балахона и что-то слишком обнадеживающе там звякнуло.

Что-то, слишком похожее на связку ключей.

Асми рефлекторно подалась к ней, с надеждой глядя то на нее, то на отца за решеткой. Если бабушка решила вернуть очередную злую шутку, играя на ее чувствам – это будет очень неправильно.

– Решила освободить меня?

– Мне не хватает бессмертных. Можешь считать, что на испытательном сроке.

Демон только усмехнулся на грубость бабушки.

– Сатана мертв. От меня отказались так же легко, как если бы я был простым Нулевым. Пока мне интересно побыть на твоей стороне.

Ключ в бабушкиных руках, который она уже поднесла к замочной скважине, замер. Она резко подняла голову, встретившись взглядом с Асмодеем.

– Пока?

– Да. Пока.

На мгновение показалось, что решение сейчас изменится. Но в следующую секунду бабушка вновь высокомерно хмыкнула и повернула трижды ключ, выпуская демона на волю.

– Пока меня это устраивает.

Асмодей вышел из камеры медленно, вальяжно. Словно выходил не из сырого, полуразрушенного каменного гнезда, а из собственных комфортных покоев для встречи званых гостей.

– Что ж, тогда я..

Но он замолчал.

В камере Асмодея стало непроглядно темно из-за того, что единственное окно, выходящее с этой стороны, озарилось черным небом, заполненным птицами. Они закрыли даже луну и звезды.

Я бесшумно вдохнула.

Птицы.

(это на земле случается сплошь и рядом, а в поднебесье ничего не происходит просто так)

(чайки дурной знак, значит скоро случится что-то ужасное, это предзнаменование)

Не сговариваясь, мы ринулись на улицу.

Прошрое появление птиц принесло нам нападение Сатаны и возрождение Дарнордеса.

Что может быть еще хуже?

Едва я выбегаю в сад, как запрокидываю голову, даже несмотря назад, чтобы убедиться, что остальные тоже выбежали. Но тут в мое плечо кто-то резко утыкается, так же глядя вверх. Боковым зрением вижу знакомый балахон.

Бабушка.

Сотни.. Десятки сотен тысяч субантр пролетают мимо нас.

Я помню, что едва не сделала одна из них. На что же может быть способно такое количество? Куда они летят?

Но бабушка знает ответ.

– Он собирает армию.

Я повернулась на нее, удивившись ледяной безнадежности в ее тоне.

– Все твари будут на его стороне.

-11-

Внезапно одна из субантр, будто услышав наш нелюбезный диалог о ней, отделяется от стаи и летит, очертя голову, прямо на нас.

Помня предыдущий раз, я инстинктивно выбрасываю руки вперед – но не в знак капитуляции. Если она решит напасть – я сверну ей чертову шею. Думаю, на это силы Дарнордеса во мне должно хватить. Не позволю этому отродью растерзать меня или бабушку.

Но нет.

Птица не долетает до нас каких-то полуярда, и садится прямо напротив.

Взмах головой.

В одну сторону – в другую.

Какой смысл? Роленд говорил, что они слепы. Но у меня такое чувство, что эта паскуда меня прекрасно видит, и лишь прикидывается.

У меня паранойя? Возможно.

Однако, мой пыл бравого воина куда-то теряется, едва субантра делает резкий шаг к нам. Я тут же вздрагиваю и пячусь, но бабушка даже не шелохнулась.

Птица чуть опускается и опрокидывает на землю письмо – прямо к самым ногам бабушки, будто личный почтальон из глубины Преисподние.

Сделав это, она так же резко поднялась, взмыв в небо, и присоединилась к остальным субантрам.

Бабушка невозмутимо подняла письмо, расправила его, и начала читать поставленным голосом вслух. Но по мере продвижения, ее голос все более менялся, не в силах скрыть отвращения:

– «Я не хочу войны. Но рыбу нельзя вылечить, если у нее гниет голова, верно? Остается только отрезать. Я предупредил все гниющие головы. Я смою гниль с вашей души. Только не водой, а кровью».

Какое-то время бабушка просто смотрела в письмо и ничего не говорила.

Казалось, она решила промолчать.

Но вдруг ее ловкие пальцы скомкали его, разорвали на части

(..сжали лист, вырвав его из старой книги, после чего с фанатичным остервенением она принялась его рвать на мелкие кусочки, самодовольно ухмыляясь..)

и бросили в воздух.

Ее губы скривились в бешенстве.

– Еще посмотрим.

Глава 3

-1-

Как бы я не надеялась, что бабушка забывает про свои распоряжения или относится халатно к данным обещаниям, которые не имеют большой уж ценности и значения – это оказалось не так. Я была уверена, что среди всего прочего, всех головных болей и тяжб Верховой Башни, она позабыла о своем намерении сделать уроки с военным уклоном, но стоило мне войти в кабинет Роленда, как я поняла –это не так.

Я это поняла еще до того, как услышала что-нибудь от учителя.

Стоило просто глянуть на ангелов, что сидели, один к одному, понуриив головы, словно верными своему хозяину марионетки. И ангелы, и демоны не любили войну, не любили насилие. Но демоны легко с этим мирились, в моих ушах до сих пор стоит фраза Катуса: «Я демон. Я научился даже в самом хреновом видеть хорошее».

Ангелам же с этим приходится мириться сложнее, хотя, как показала битва с Сатаной – не слишком уж они церемонились тоже. Наверное, дело в том, что каждая из сторон при этом чувствовала.

Я попыталась глазами отыскать Асми, но ее нигде не бы-

ло. Наверное, хоть ее и выписали, она все еще была недостаточно сильна, чтобы отправляться на какие-то сложные задания. Хотя, если честно, я полагала, что первые несколько уроков у нас будут теоритическими.

Но тогда логичнее было бы поставить Селиту.

Роленд отвечал за практику.

Я села за первую свободную парту. Через проход от меня сидел Джейк. Под руководством бабушки он словно совершенно изменился. Он не был отстраненным или каким-то растерянным. Нет, вся его поза и лицо выражали готовность. Он был собран, серьезен, холоден. Если он посчитает решение верным – он его сделает.

Уверена, если бы теперь во имя победы я постаралась ударить его головой о парту – то сама бы оказалась приложенной к ее поверхности не один раз. Бабушка лепила из него опытного бойца – а главное, доверенного бессмертного. И пластилин, из которого был сделан Джейк, судя по всему, отлично для этого подходил.

Роленд вышел в центр кабинета, скрестив руки на груди. Медленно, выжидающе оглядел нас.

– Сегодня вы отправитесь на войну.

Отлично.

Вот и вся практика.

Я оглянулась на остальных – ангелы начали растерянно шептаться.

– На земную войну – пояснил он – хоть большинство из

вас рождено бессмертными, все равно еще щенки, что бо-
ются собственной тени. Но война теперь – не сказка. Не ис-
тория, рассказанная в книгах. Это то, с чем вам предстоит
столкнуться. Вы должны быть готовы. Прочувствовать како-
го это.

Он сделал пару шагов, выждал паузу.

– Вам будут даны тела ранее умерших солдат. И вы можете
убивать противников, используя лишь их навыки. Никаких
сил бессмертных. Вы равны среди прочих – на нашей войне у
вас так же не будет каких-либо преимуществ, так что лучше
заранее оставить иллюзии в стороне.

Наконец, девушка-ангел подскочила с парты. Я едва узна-
ла в ней ту девушку, с которой пришел на бал Лито. Без ее
улыбки от уха до уха, она была настолько же неузнаваема,
как и Памела Андерсон без своих грудей.

– Так ли это необходимо?

Лицо Роленда ожесточилось.

– Ты о том же будешь спрашивать, когда армия Дарнор-
деса нападает на школу?

Парень-ангел хмыкнул. Я узнала в нем того, что повалил
меня на землю на чемпионате.

– Да кому мы сдались?

Пара шагов – и учитель стоял уже возле него, склонив-
шись так, что едва не упирался носом в его нос.

– Ты-то может и никому..

Легкая ухмылка. Он вновь отстранился и обратился к нам:

– К водовороту. Вас выбросит в самую гущу боевых действий, и лучше бы вам быстро и сразу сориентироваться, если не хотите быть убиты смертными.

Все еще надеясь избежать этой участи, я неуверенно спросила:

– Разве Нулевым можно пользоваться водоворотом? Тем более без личного надзора бессмертных, старших по рангу?

Роленд глянул на меня как-то странно, словно сквозь. После чего склонил голову.

– Многие законы теряют свою значимость, когда их количество в сводах становится в разы больше тех, кто может им подчиняться.

По телу прошел холод.

Он вновь торопливо кивнул в сторону двери и теперь повторил уже тональностью приказа:

– К водовороту – после чего подошел ко мне и добавил едва слышно – бояться – это нормально. Ненормально – не пытаться укротить свой страх.

-2-

Мы нашей жалкой толпой подходим к кабинету с водоворотом. Темно-синяя, кружащаяся дыра когда-то так сильно привлекала меня, что я, рискуя собственным исключением, пробиралась ночью в кабинет Калиго, чтобы хоть на какое-то время воспользоваться этой пеленой-порталом. Когда-то он

был так для меня желанен.

Теперь же я стояла здесь совершенно законно.

Ко мне не приставляли никого не из кураторов. Никого из надсмотрщиков, кто должен будет дергать меня за руку, едва я решу посмотреть не туда. Вот оно – мое желание. Без какого-либо надзора оказаться на земле.

Но я смотрю на эту дыру, как на свой приговор.

Словно последний трус, обхожу всех и оказываюсь последней в очереди.

Это не укрывается от глаз Роленда.

Конечно, я не следую его напутствиям, потому он подходит вновь. Бессмертные слишком увлечены погружением в водоворот и не обращают никакого внимания на нас.

– Я больше не хочу войны – заявляю я, поражаясь собственной честности – не хочу воевать.

– Послушай, Атиль – его голос строг, как всегда – я знаю девчонку-Нулеву, которая искала себе приключений на задницу, постоянно попадала в какие-то проблемы и была одним большим геморроем для всей школы.

Я молчу.

– Это девчонка стала бы еще большей проблемой на войне. И хочешь честно? Она оказалась бы первой жертвой. Самой первой.

Молчу.

– Но я не знаю ту девушку, что самоотверженно бросилась защищать бабушку, напав на самого Сатану. Я не знаю

ту девушку, что смогла его убить – пауза – но ее. Ее. Я очень хочу узнать. Потому что эта девушка – боец. Эта девушка – солдат. Она знает свою цель, она боится – но справляется с этим. В ней равной степени бурлят эмоции и холодная рациональность. Такие бессмертные на вес золота в нынешнее непростое время.

Он берет меня за плечи и долго смотрит в глаза, пока не наступает моя очередь последней прыгнуть в водоворот.

– Ты познакомишь меня с этой девушкой, Атиль?

Короткая пауза, после чего я киваю.

Он ничего не говорит и я ступаю в водоворот. Не головой вперед, не какими-то финтами. Просто прыгаю внутрь, словно в какое-то озеро.

А в следующую секунду меня оглушает какофония выстрелов.

-3-

Я поднимаюсь с колен.

На мне чья-то рваная военная форма. В моих руках оружие. Черт возьми, да я не разу не обращалась с оружием, как я смогу..

Но когда кто-то слева нападает на меня, я без промедлений поворачиваюсь и нажимаю на спуск, метко попадая противнику в голову.

(вы можете нападать, используя навыки тех солдат, обли-

чие которых вам будет дано)

Шум вокруг оглушает меня.

Я пытаюсь осмотреться, когда над головой что-то свистит и кто-то сбивает меня с ног. С громким криком я падаю на землю, инстинктивно зажимаю уши руками. Рядом со мной оказывается Джейк – он часто-часто дышит. Лицо сосредоточенное, пальцы сжимают в руках винтовку. Он кратко поворачивает ко мне голову.

– Постоянно двигайся – бросает он – не стой на открытой местности. Тебя чуть не подстрелили.

– Спасибо – только и выдавливаю я.

Он глядит на мои пальцы.

– Крепче держи оружие. Так просто вырвать или выронить.

Кажется, его совершенно не ошеломила обстановка, где мы оказались. Даже на мгновение. Думаю, бабушка вела бы себя так же.

На одно мгновение меня охватывает ревностное чувство – он становится на нее больше похож чем я, ее кровный близкий родственник. Родная внучка.

Но не успею я спросить что-то еще, как Джейк вырывается из укрытия и бежит куда-то в самую глубь событий. Я прижимаю винтовку к груди и часто дышу.

Нет.

Я трус. Плевать.

Я буду сидеть здесь и ждать, пока задание закончится.

Если повезет – я его даже не провалю. А даже если провалю – плевать. Я в укрытии, и я отсюда не вылезу.

Я слышу крики, стоны, отчаянный ор солдат, что бегут с таким остервенением навстречу собственной гибели, но даже не пытаюсь выглянуть. Я не хочу этого видеть и в этом участвовать.

Потираю руку, как что-то инстинктивное заставляет меня упасть на пол, хотя причин никаких нет.

Я подчиняюсь, и в это же мгновение надо мной свистит пулеметная очередь. Оборачиваюсь и вижу солдата, что в паре ярд целится в меня.

Это война.

Вот что хотел показать нам этим Роленд.

Что на войне не будет безопасного места. Даже если ты не будешь выставляться, будешь сидеть тише мыши – война все равно одним большим торнадо засосет тебя внутрь. От тебя лишь зависит – будешь ли ты охотником или добычей.

Я быстро наставляю на солдата винтовку. Раньше, чем он успевает перезарядить свою.

Мгновение.

Жму на курок, и не перестаю, пока его тело мешком не падает на землю, создав облако пыли.

Он умирает, но я не чувствую сожаление.

Лишь неведомая мне ранее решимость начинает пробираться в каждую клеточку моего тела, надеваясь на каждый палец, словно я облачаюсь в какой-то облегающий костюм.

Я выглядываю из укрытия, стараясь оценить обстановку.

Сложно оценить то, в чем ничего не замечаешь.

При мне навзничь падает солдат в паре ярдов от меня. Пуля попала ему в живот – он не может двигаться, но стонет. Он еще в сознании – но если останется лежать здесь, на виду.

Он труп.

Но если его утащить в укрытие..

Однако, он в самом центре боя. Вылезти туда – значит сильно подставиться.

Я смотрю на солдата, пытаюсь оценить его рану. Я мало, что знаю об этом, но слышала – человек не жилец, если кровь темная, ближе к черной, значит что-то там задето. У этого обычная, насыщенно-алая.

Его еще можно спасти.

Времени долго думать нет. Вскрываю и выбегаю из укрытия, подстрелив одного из солдат, что бежит на меня. Увидев меня, в глазах раненного загорается надежда. Я хватаю его за талию, на мгновение оказавшись совершенно безоружной, и тащу к укрытию. Краем глаза вижу, как противник целится в меня. Я не успею схватить закинутую на плечо винтовку и ответить. Уже не успею даже пригнуться.

Вдруг он падает.

Гляжу в траектории пули и вижу одного из немногих демонов, что остались в школе и что вместе со мной пошли к водовороту. Но он даже не смотрит на меня – убил одного и несет дальше.

Я все сильнее заражаюсь духом войны.

Оттаскиваю солдата в укрытие и оставляю. Больше я ничего сделать не могу. Если ему суждено умереть по закону Равновесия – его добьют и здесь. Если нет – другая помощь подоспеет раньше, чем это случится.

Перезаряжаю винтовку и вновь выбегаю в центр.

Убиваю одного, другого.. я не особо различаю даже их лица. В какой-то момент – я не осознаю эту грань – мне становится плевать на всех. Я забываю, что это лишь задание.

Я кричу и несусь на каждого, кто не на моей стороне. Убиваю, не задумываясь, и без сожаления добиваю раненных. Во мне бурлит ярость, которая вовремя помогает мне пригнуться, когда я сама оказываюсь у кого-то на мушке.

Роленд хотел бойца – пусть он его получит.

Когда я нажимаю на курок в очередной раз, чья-та рука хватает меня. Я едва не изрешечиваю этого человека пулями, но узнаю в нем Лито.

– Что ты делаешь?!

– Странный вопрос – фыркаю – мы на войне.

БАМ!

Еще один готов.

– Это не наша война!

Раздраженно гляжу на него.

–И что с того? Мне теперь самоотверженно бросаться под пули, не давая отпора?

– С каждым убитым ты возвышаешь в цене свою жизнь.

Но настолько ли дорога твоя жизнь на самом деле?

Я рывком выдергиваю свою руку и смеряю его гневным взглядом.

– Она бесценна ровно до того момента, пока ее не отняли. Он кивает, но я вижу что он считает иначе.

Над головой пролетают пули, а мы стоим, словно на прогулке в долбанном парке. Лишь удача не позволила ни одной из них достигнуть цели.

– Не смей осуждать меня!

– Я не осуждаю за инакомыслие. Но не ослепни от жестокости – это не идет даже войну.

Не успеваю я что-либо ответить, как он уже вновь скрывается среди толпы прочих солдат, и я пригибаюсь, перезаряжая оружие, чтобы вновь ринуться в атаку.

Выбегаю и бросаюсь вперед, но едва не падаю. Кто-то хватает меня за ногу.

Резко опускаю глаза вниз, в кучу упавших тел, по которым мы теперь бежали, даже не сознавая этого.

Одно из тел все еще живо.

Солдат держал мою ногу, умоляюще глядя на меня.

Из его раны в груди бежала черно-бордовая кровь.

Он обречен.

Но в его глазах столько жажды жизни, столько желаний.. Он цепляется за нее до последнего, словно за лотерейный билет джек-пота, что выдирает из его пальцев сильный порыв ветра. Он так не хочет умирать.

Но я резко отдергиваю ногу и бегу дальше.

Прицеливаюсь в кого-то, как чувствую острое жжение в груди. Мгновение не понимаю, что происходит – но вдруг это жжение, будто огонь, переходит на все мое тело, и пальцы безвольно разжимаются и то единственно важное, что есть у воина – его оружие – падает на землю.

Я прижимаю руку к груди, упав ничком– она вся красная.

Меня подстрелили?

Как же так?!

Я же была так.. как?

Я не знаю.

Пытаюсь дотянуться до винтовки, хоть в этом нет и никакого смысла. Кровь слишком темная..

Чей-то грубый ботинок наступает мне на руку. Я поднимаю глаза и вижу солдата вражеской стороны. На его лице не дергается ни один мускул, когда он наводит свое оружие на меня и я слышу выстрел.

Темнота.

-4-

Я судорожно вдыхаю воздух ртом, когда Роленд берет меня под руку и отводит от водоворота.

Начинаю хаотично и безумно ощупывать свое тело, но оно совершенно целое.

Ранили и убили не меня.

А какого-то умершего задолго до этого солдата, чей облик мне выпал.

Гляжу на остальных ангелов и горстку демонов, что так же оказались у стены в ожидании. Их либо тоже убили, либо они что? Успешно справились с заданием?

Как это задание вообще закончится, если не умереть?

Я поворачиваюсь обратно к Роленду. Он невозмутим. Стоит у водоворота и ждет следующего.

– Я провалила задание?

– Все результаты в кабинете.

Я отрешенно киваю. Среди ожидающих стоит Лито, но не вижу Катуса. Впрочем, я его не видела и в кабинете. Он не пришел на это занятие, как и не приходил на остальные. Почему-то он игнорирует как военные лекции, так и меня. Вообще не помню, чтобы последние дни я его где-то встречала.

Я подхожу к этой стайке и скрещиваю руки на груди, глядя в сторону водоворота.

Несколько минут – и вся наша группа в итоге оказывается здесь, в кабинете.

Но я не знаю – оказались они здесь, как я, посредством смерти, водоворот затянул обратно их сам, или они добровольно шагнули в него, как Катус, когда мы выполнили свадебное задание?

Интересно, судьба нашего возвращения влияет на результаты?

Увидел ли Роленд во мне ту девушку-воина, которую хо-

тел? Я пыталась. Старалась вести себя так же яростно, как когда кидалась на Сатану. Так же бесстрашно.

Но почему-то в его глазах я не вижу восхищения.

Мы молча кучкой доходим к кабинету, по пути на мою голову крошится изрядно известки, когда сверху кто-то проходит. Иногда я и забываю, что школа на грани разрушения – потому что все время провожу в ее более или менее уцелевших корпусах.

Я сажусь за ту же парту, что и была.

Джейк тоже.

Он вернулся одним из последних, когда я стояла в общей куче.

Не знаю почему, но чувство восхищения сменяется завистью, что неизбежно в итоге приведет к ненависти. Я не хочу ненавидеть Джейка, но боюсь в скором времени, если бабушка не перестанет – это неизбежно.

Роленд встает вновь в центре.

– Что ж.. я следил за каждым из вас, и вот что могу сказать..

Он делал много замечаний, иногда хвалил. Про Лито он ничего особенного не сказал, а в Джейке похвалил хладный ум и способность к решительным действиям, когда это необходимо.

Я сжала губы.

Наконец, его взгляд дошел и до меня.

– Что на счет тебя, Атиль..

Затаиваю дыхание.

– Ты все сделала правильно.

Шумно выдыхаю. Что? Тогда почему я не вижу в нем удовлетворения?

– Первый солдат нуждался в реальной помощи – ты ее оказала. Второй же был обречен. Какой можно сделать из этого вывод? Иногда жертвы бесполезны. Глупый альтруизм не принесет нам победы. Но без взаимопомощи, когда она необходима, далеко мы не уйдем. Очень важно уметь принимать правильные решения, когда все вокруг кажется безумием.

Он сделал паузу.

– И не терять из виду свою главную цель.

Я вопросительно подняла брови.

– Ты начала идеально, Онрат – кивнул он – но к концу бессмысленная жажда крови тебя погубила. Ты забыла, какова твоя идея, каков смысл всего этого. В твоей голове родился лишь один мотив – убить как можно больше. Кровожадность и жестокость взяли над тобой вверх и благополучно ослепили. Ты не увидела солдата, что покусился на твою жизнь. И в итоге отнял ее. Как говорится там, у вас, на земле? – он щелкнул пальцами – начал за здоровье, закончил за упокой?

Я мрачно опустила голову.

– Ты стала бы отличным примером в этом задании, если бы до конца отдавала себе отчет в действиях и вела себя хладнокровно.

– Я вела себя хладнокровно!

– Хладнокровность заключается не в том, чтобы без сожаления отнимать жизни, а в том, чтобы четко понимать, зачем именно ты это делаешь.

Он перешел к следующему ученику и его ошибкам.

Я уронила голову в ладони.

Ну и насрать.

Я пыталась, а ему все равно не понравилось. Если я бездействую – ему не нравится. Если я бегу в первых рядах – я опять неправа.

Когда Роленд закончил и ни у кого больше не было вопросов, я уже собиралась подняться, как вверх взметнулась чья-то рука.

Демон.

– Да, Деймон?

Я его не знаю.

– Сегодня нас совсем не кормили. Запасов еды уже не осталось?

Ученики тут же зашептались, поддерживая его вопрос.

– Нет. Вы же знаете, что сейчас проблемы с поставками.

Я как-то не сильно и обратила на это внимание. И в свои лучшие времена я не много ела, я теперь у меня подавно не часто появляется аппетит. Но остальных, видимо, эти слова сильно взбудоражили.

– Но мы решим этот вопрос – перебил их Роленд – нужно проявить терпение.

Перед мной, скучающе покачиваясь на стуле, сидел ка-

кой-то ангел с едва сдерживаемой ухмылкой, будто знал больше остальных. Я изогнула бровь и он поймал мой взгляд, расценив его, как приглашение к разговору.

– Забавно.. – прошептал он мне – вот-вот может настать война, а они переживают за лакомство, без которого легко могут прожить.

– Без еды все мы слабеем.

Его ухмылка стянулась. Он равнодушно пожал плечами.

– Будто, когда придет Дарнордес, силы нам помогут.

-5-

Я сидела во дворе.

Совершенно сама, как вероятнее всего, когда-то сидела моя бабушка, застигнутая здесь появлением Престола Калиго.

Роленд давно распустил нас с занятия, но я так и не вернулась в комнату. Я сидела здесь и думала над словами, которые сказал мне тот ангел. Уверена, он ляпнул их просто так. Быть может, они были порождением его собственного отчаяния, а может, он действительно так считал, исходя из рациональных выводов. Точно это была не агрессия от голода, раз он так относился к еде, но эти слова заставили меня задуматься.

(будто силы нам помогут)

Возможно, и нет.

Их нет.

Но моя сила – моя сила могла кому-нибудь помочь.

Сила, случайно подаренная мне Дарнордесом.

Роленд рассказывал, что его могущество могло разрушать миры – и пусть я получила лишь небольшую часть от этого, но, вероятнее всего, ее окажется более чем достаточно в какой-нибудь момент для защиты бессмертных.

Пусть не всех.

Я не тешу себя иллюзиями.

Но хотя бы близких.

Если бы я могла с ней совладать.. то я могла бы гарантировать им защиту. Но проблема в том, что эта сила во мне проявила себя лишь однажды – когда голова Сатаны полетела к моим ногам.

Более я ее не чувствовала.

Она была внутри. Все еще была. Порой она обжигала мне кончики пальцев, будто желая прорваться наружу и ретироваться из моего организма, но она никак мне не помогала. Я не могла с ней справиться – не могла направить на то, что нужно мне.

По иронии судьбы – она лишь ослабляла, когда должна бы нести могущество.

Возможно, мне следовало тренироваться – чтобы как-то справиться с ней, но я не имела никакого представления, как справиться с силой такой величины.

Совсем недавно во мне не было совершенно никакой.

Как я не пыталась найти.

Я встала, решив прибегнуть к способу Калиго, которому он нас с Джейком учил. Наштупать силу внутри, попытаться выдрать ее наружу и облачить во что-то осязаемое. Я боялась облачить эту силу во что-либо, но вариантов не было.

Я попыталась сконцентрироваться на ней внутри. Она была огромная – ей словно не хватало моего пространства. Я попыталась ее вытолкнуть, и тогда меня словно ударило током.

Будто ядовитая кобра жახнула как следует, едва я тронула ее за хвост.

Я вскрикнула и упала на землю.

Нет, для этой силы способ Калиго не подойдет. Она не маленькая, зарождающаяся в Нулевом, у которого едва выросли крылья. Она созревшая, самостоятельная и агрессивная, как и ее истинный обладатель. Она не желает подчиняться, не желает помогать.

Она только кусается.

Какой мне толк от силы, которая убивает меня?!

(это невозможно, организм Атиль должен был отторгнуть ее, как инородное тело)

Может, лучше бы и отторг.

Я хотела забраться в беседку, но лишь села на землю, опершись на ствол дерева. После бойни с армией Сатаны, на территории школы осталось не так уж много целых деревьев. Большинство либо превратились в прах, либо обгорели

и высушились. Это одно из немногих как-то уцелело и даже продолжало зеленеть.

Я шумно выдохнула и задрала голову к небу.

На уцелевшей половине школы мерцнул чей-то силуэт. Какой-то ученик сидел на самом краю крыши, так же размышляя в своем уединении.

Я приложила ладонь ко лбу, отгораживаясь от солнца, чтобы рассмотреть, кто это.

Пара мгновений – и я поняла.

Это был Катус.

Он сидел, совсем по-человечески сложив крестом ноги, оперев локти о колени, и смотрел куда-то вдаль.

В отличии от меня – он никого не видел. Включая меня. Если бы опустил глаза – то запросто, но он их не опускал.

Недолго думая, я поднялась и расправила крылья.

Один взмах – и я оказалась в небе.

Я медленно опустилась на крышу позади него, но он все равно меня услышал. Не повернул головы, не дернулся, но мы оба знали, что он услышал меня.

Может, почувствовал энергию, но не сказал ни слова.

Я сделала пару шагов к нему.

– Я тебе не помешаю?

Какие-то длительные секунды он молчал, после чего тряхнул головой, будто выйдя из оцепенения.

– Нет.. конечно, нет.

Я подошла к нему и так же села на самый край. Помнится, однажды я с трудом проделала то же самое, находясь на краю высокой горы. Сейчас же я сделала это просто.

Никакого страха.

Я подогнула под себя ноги и обхватила колени руками, приложив к кистям руки левую щеку, чтобы свободно смотреть на Катуса. Он же продолжал глядеть перед собой.

– Последнее время ты сам по себе. Избегаешь всех.

Он даже не пытается это отрицать.

– Нужно было обдумать много вещей.

Интересно, каких?

– И как? Обдумал?

Он глянул на меня. На его губах появилась знакомая ма-
сочная усмешка.

– Ты об этом пришла поговорить?

– Прилетела, вообще-то – я равнодушно пожала плечами
и он хмыкнул.

Мы продолжили молча сидеть и мне уже казалось, что мы
никогда не заговорим. Пропасть взаимных тайн стала между
нами слишком большой, чтобы все вернулось на круги своя.
Я уже собиралась встать, как он заговорил.

Отрешенно, глядя себе под ноги.

– Когда я был маленьким, отец любил брать меня на тре-
нировки. Он никогда не позволял мне выигрывать. Нико-

гда не поддавался. Но каждый раз, когда мне удавалось пре-
взойти самого себя, он подходил ко мне и гладил по голове
несколькими грубыми движениями.

Катус махнул рукой в воздухе, парадирюя жест отца.

Горькая усмешка.

– Вот и вся его ласка. Похлопывания по голове. Да такие
сильные, что я весь сжимался, ожидая очередного хлопка.

Наконец, он посмотрел на меня.

– Я подумал и понял: у отца не было выбора. Тогда, на
войне.

Демон резко взял мою кисть и я инстинктивно вздрогну-
ла, так как каждый раз его хватка за запястье не приносила
ничего хорошего. Однако, его взгляд не изменился, а пальцы
не впились в кожу.

– Выучи и ты урок, который преподал мне отец. Ты долж-
на быть сильной и бескомпромиссной. Я не смогу всегда те-
бя защищать.

Он отпустил мою руку.

Я едва уловимо кивнула, после чего сжала губы.

– Но по крайней мере у тебя есть возможность всегда го-
ворить мне правду. Очевидно, ты не любишь использовать
все возможности одновременно.

Я ожидала увидеть удивление на его лице, но он лишь как-
то странно улыбнулся.

– Я так и думал, что ты все услышала. Или узнаешь, так
или иначе.

– Но могла и нет. А ты ничего мне не сказал.

Я решительно подобрала под себя ноги.

– Так было бы лучше.

– Кому? Верховой Башни, что теперь боятся меня, как прокаженного?

– Я опасался, что эта новость может тебя напугать. Такая сила.. ее в себе не испугается лишь безумец.

Посмотрев на меня, он вдруг расхохотался, закинув голову назад.

– Ну да, я забыл.

Какое-то время он помолчал, после чего добавил уже серьезно:

– Даже если так, то мы в расчете.

– О чем ты?

– Ты ведь тоже не просто так с ног свалилась в Капитолии.

– Если понял, почему не сказал остальным?

– А почему ты не сказала остальным, что услышала разговор?

– Не хотела – с вызовом бросила я и он равнодушно дернул плечами.

– И я не хотел.

Я смотрела на него, не отрывая глаз, после чего принялась ковырять пальцами кровлю крыши, раздербанивая ее еще сильнее.

– Расскажешь бабушке, что я знаю обо всем?

– Зачем мне это.

– Не знаю. Она же главная.

– Не для меня.

Он вновь говорил сухо и отрывисто, но взгляд его не блуждал где-то далеко. Он был здесь. Ловил краем глаза каждое мое движение.

– Так скажешь, что видела тогда? – Катус повернулся ко мне и склонил голову.

Я задумчиво сжала губы.

Я не могла ему рассказать. Но теперь уже по другой причине – по той, по которой не могла сказать о том, что видела, ни одной живой душе.

Мое молчание привело к большим проблемам. Моя ошибка стоила всей школе слишком большой цены – но пока об этом никто не знал, меня не могли принудить заплатить ее лично. Однако, узнай они – и все могло сложиться иначе.

Бабушка, та и вообще может посчитать, что я не сказала нарочно, из каких-то побуждений, о которых толкует Верховая Башня.

Все слишком запуталось, чтобы одной затяжкой можно было размотать целый клубок ниток.

– Да, конечно – кивнула я. Я не собиралась лгать – я лишь собиралась сказать раннюю версию правды.

– Всю первую ночь после бойни мне слышались взрывы.. крики.. я не сомкнула глаз. Естественно, ничего этого не было, но я это слышала так ярко и громко, словно это происходит за окном.. А тогда.. тогда я это вновь все увидела.

Смерть.. Сатаны, возрождение Дарнордеса.. словно это произошло передо мной в ускоренном ритме второй раз.

– Почему ты сразу не сказала?

– Моя бабушка могла решить, что я слишком перевозбуждена, раз мне продолжают мерещиться отрывки войны. Она бы попросту отстранила меня от всего куда подальше, сам понимаешь. А я думаю.. это было лишь эффектом бессонницы. Потому что больше я ничего такого не вижу.

Я провела пальцем по своей ладони.

– К тому же, ни один из вас мне тоже тогда ничего не сказал о разговоре за дверьми. А это.. знаешь, это оказалось чертовски обидно. Я решила, а с какой стати я должна что-то..

Но Катус не дал мне договорить. Он мягким жестом обнял меня и прижал к своей груди. Я жадно вдохнула его аромат, позволяя прижимать себя как можно крепче.

Впервые с момента битвы я вновь почувствовала себя в безопасности.

Словно всего того расстояния, что образовалось между нами, никогда и не было. Подняв голову, я неуверенно коснулась его губ. Он кратко ответил мне, после чего его взгляд вновь устремился в дали.

– Знаешь, а зря они пытались скрыть от меня все это – заявила я через пару минут молчания – мне, как и им, эта сила только мешает. Она не подчиняется мне. Я не могу ее приручить. Совладать с ней.

Катус отстранился.

– Пока ты боишься собственной силы, она будет владеть тобой. Ты ощущаешь ее как нечто инородное, но это не так. Теперь эта сила – часть тебя. Ты должна это принять.

– Я пытаюсь. Только она этого, видимо, не хочет.

Он усмехнулся.

– Дай руку.

Я послушно положила руку в его раскрытую ладонь, протянутую мне.

– Попробуй представить ауру своей силы, сосредоточенную между нами.

Это очень похоже на то, что я делала во дворе. Повторять не очень хотелось.

– Давай – настаивал демон.

Я попыталась вновь нащупать ее внутри, после чего перенести энергию в свою руку.

– Ай!

Я тут же одернула ладонь. Сила вновь куснула меня, и еще больнее, чем в прошлый раз. Обожгла, словно я схватилась за раскаленную до красна сковородку.

Катус лишь кивнул, словно этого и ожидал.

– Вот видишь. Она должна быть приятна тебе, а не приносить боль. Давай еще раз.

– Шутишь? – я прижала руки к себе, словно он мог повторить это без моего участия – я не мазохист, не буду больше.

– Давай – он требовательно отодрал одну из рук от моего тела и вернул на прежнее место – только на этот раз мыслен-

но прими свою силу.

– Как можно принять то, что приносит боль?

– Не расценивай его как то, что приносит боль, и этого не случится.

Я вспомнила, как земля ушла из-под ног Сатаны только потому, что я это представила – при помощи этой же силы. Будет так, как я себе это вообразу. Пока я считаю, что сила агрессивна и приносит мне боль – она продолжает кусаться, чувствуя мой настрой.

Но если мне и правда представить, что она..

Не обязательно негативна. В конце концов – сила, это не отдельный объект. Она часть того, в ком сохранилась. И не важно, чья она была раньше и кому служила – сейчас она во мне. Значит, она часть меня. А часть меня априори не может быть против меня, иначе это действия против самого себя.

Сила не может быть против своего обладателя.

Медленно, но верно, между нашими с Катусом ладонями возник красный энергетический шар. Он подрагивал, словно иллюзия, но я ощущала его.

В этот раз он приятно охладил кожу, будто лед в знойный день.

От восторга я не удержалась и взвизгнула, словно девчонка:

– У меня получилось! – я принялась махать от волнения свободной рукой, показывая Катусу, который и так смотрел – погляди! Получилось!

Демон убрал свою руку и шар мгновенно исчез.

– Вот и славно. Тренируйся каждый день – и научишься делать это сама. Может, в тебе есть огромный потенциал, кто знает.

Он встал на ноги, расправляя крылья.

– Куда ты?

– Скоро стемнеет, не гуляй ночью одна.

И ринулся вверх, навстречу ветру. Через несколько мгновений даже его силуэт скрылся от меня.

-7-

Я стою на какой-то плоской каменной глыбе.

Не понимаю, где я.

Холодный – даже кусаче ледяной – ветер обдувает со всех сторон. Я не меняю положения, но он бьет то справа, то слева, словно сам не в силах определиться, в какую же сторону хочет дуть.

Я не могу понять, где я нахожусь и как сюда попала, но вдруг раздается громкое:

– НЕ-Е-Е-Т!

Я содрогаюсь всем телом и поворачиваюсь на крик.

Недалеко от меня, на самом краю пропасти, стоит маленький мальчик, которого окружили десятки ангелов и демонов. Причем я не знаю ни одного из них.

Зато мне не составляет труда узнать мальчика, которому

на вид не больше семи лет.

Может, я бы и не узнала его, если бы не большие красные крылья за его спиной, и контраст голубых глаз с демоническим цветом волос.

Только у одного бессмертного есть такая генетическая аномалия в организме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.